

**Военные
Приключения**

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

**КАПИТАНА
ЭРИКСОНА**

ИГОРЬ БОЛГАРИН

Военные приключения (Вече)

Игорь Болгарин

**Последнее плавание
капитана Эриксона**

«ВЕЧЕ»

2015

Болгарин И. Я.

Последнее плавание капитана Эриксона / И. Я. Болгарин —
«ВЕЧЕ», 2015 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-9207-9

Казалось бы, какое дело владельцу и капитану небольшого пароходика «Эскильстуна» до революции, произошедшей в далекой и загадочной России? Но неожиданно ему предлагают фрахт настолько выгодный, что от такого не откажется ни один бизнесмен. И предстоят капитану Эриксону смертельно опасное плавание по Финскому заливу, знакомство с отважной командой катера «Гроза Антанты», с теми, кого защищают революционные моряки, и теми, кто стал их злейшими врагами.

ISBN 978-5-4444-9207-9

© Болгарин И. Я., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Последнее плавание капитана Эриксона	6
Часть первая. Стокгольм	6
1	6
2	8
3	10
4	11
5	15
6	19
7	21
8	23
9	25
10	27
11	29
12	33
13	37
14	39
15	42
16	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Болгарин

Последнее плавание капитана Эриксона

© Болгарин И.Я., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Последнее плавание капитана Эриксона

Часть первая. Стокгольм

1

«Эскильстуна» – небольшой грузовой пароходик, возвращался домой, в Стокгольм, после почти месячного плавания по Ботническому заливу. Это было, пожалуй, одно из самых бездарных и бессмысленных плаваний капитана Эриксона.

А началось оно с несказанной удачи: знакомый маклер порта Лулео прислал ему телеграмму, в которой предлагал перевезти в Стокгольм лес для мебельного комбината. Путь до Лулео хоть и не близкий, но, по здравому размышлению капитана, «игра стоила свеч». Тем более, что над Скандинавией стояла ранняя тихая осень, до жестких осенних ветров и суровых штормов в Ботническом заливе было еще далеко.

К этому времени капитан Эриксон уже не один месяц основательно сидел на финансовой мели и с нетерпением и надеждой ждал той неожиданной удачи, которая к везучим людям всегда приходит неожиданно-негаданно, но всегда своевременно. Эриксон считал себя человеком фартовым. Удача всегда поворачивала к нему свой светлый лик в то самое время, когда он в чем-то очень нуждался.

Так случилось и сейчас. Уже больше месяца он почти не выходил в море, сделал лишь пару коротких рейсов по озеру Меларен, что возле Стокгольма. Домашнее дело. Но это было не плавание, а так, колгота, не доставившая ему ни удовлетворения, ни денег. Их хватило лишь на уголь для котла, а мизерные остатки пошли на сигары для капитана и на бутерброды для команды.

И вот – совершенно неожиданно – телеграмма из Лулео. Она согрела их, окрылила надеждой. Стали торопливо собираться. Но счастья никогда не бывает через край. Уже перед самым отплытием случилась неожиданная задержка: к назначенному времени не явился кочегар. Накануне он вместе с ними носился по пароходу, готовясь в плавание. Явился на пароход и утром. Перед отплытием ненадолго отпросился и... исчез.

Прождали час, потом второй. Злые на кочегара, они молча сидели в рубке: невысокий, но плотный рыжеволосый энергичный капитан Эриксон и долговязый аскетичного вида рулевой Рольф. Капитан время от времени нервно пощипывал свою рыжую шкиперскую бородку, рулевой вытирал о рукав куртки свою губную гармонику: не решался в томительные минуты ожидания поднести ее к губам и тем самым вызвать капитанский гнев. Он уже и так висел в воздухе. Сколько помнил Эриксон – а они были связаны с Рольфом общим делом уже около пяти лет – эту свою гармонику он редко выпускал из рук. Она была у него вроде талисмана. Играл редко, и то лишь когда оставался наедине и был чем-то озадачен, или когда случалось у него плохое настроение. Причину никогда не сообщал. И мелодии у него в большинстве своем были грустные, унылые.

Капитан вообще мало что знал о Рольфе. Попытки что-либо у него выведать не увенчивались успехом. На откровенный разговор тот не шел, отделялся ничего не значащими фразами. А впервые капитан заметил Рольфа на бирже в те дни, когда сумел скопить немного денег и купил «Эскильстуну», представлявшую тогда уродливое ржавое корыто. Высокий, нескладный и несколько флегматичный, Рольф в очереди на бирже никогда не кричал, не махал руками, словом, никак не пытался привлечь к себе внимание работодателей и поэтому всегда

оказывался последним в толпе жаждущих получить работу. Как-то в этой толпе он услышал чей-то отзыв о Рольфе: «Блаженный. Только его Бог ему что-то не очень помогает».

Эриксон вытащил его из толпы, спросил:

– Тебя устроит грязная работа?

– Если чистить нужники, то – нет!

– Вон там, у пирса, стоит кусок железа, – Эриксон указал ему на гавань. – Сходи, посмотри. Я хочу сделать из него... – он смолк, подбирая подходящее слово, – ...красоту.

Рольф согласился. И они вдвоем от рассвета и дотемна пилили, строгали, тесали, клепали, шпаклевали, красили. На это ушло четыре месяца. Эриксон платил Рольфу, чтобы тому только хватало на еду. Но тот ни разу не возмутился, не поссорился с Эриксоном. Его тоже увлекла идея капитана сделать из проржавевшего корыта красавец пароход.

Они сделали это, и уже несколько лет на нем плавали. Сейчас же сидели в уютной капитанской рубке и ждали кочегара. А над их головами висела ярко раскрашенная картинка, на которой был изображен скользящий по водной глади пароходик. Он словно летел по воздуху, отражаясь в тихих водах безбрежного моря. Возможно, он такой и был когда-то, когда его только спустили со стапелей на воду. Правда, назывался он тогда по-другому, но Эриксон решил: поскольку он дал кораблю новую жизнь, вопреки всем морским регистрам, даст ему и новое имя, ласковое и нежное женское – «Эскильстуна».

Стоящий у пирса пароходик несколько напоминал эту немножко романтизированную картинку, но был более приземленным: не совсем мечта капитана Эриксона, но все же... Разве бывает такое, чтобы мечта во всем соответствовала реальности?

Прождав кочегара еще часа два, Рольф отправился на его поиски к ближайшей портовой таверне, месту постоянного сборища ищущих работу матросов. Там обычно отирался кочегар. Но никто не вспомнил, появлялся ли он здесь в это утро. Не нашел там Рольф и никого, кто бы согласился вот так сразу, без долгих раздумий и сборов, отправиться с ними в рейс. Но время поджимало: в Лулео их ждали работа и деньги. И все же они еще какое-то время просидели в терпеливом ожидании. Наконец капитан обернулся к Рольфу, решительно спросил:

– Ну что? Рискнем?

Рольфу не нужно было расшифровывать смысл вопроса.

– Как решишь, капитан, – согласился рулевой, но в ответе не было твердости. – Но ты же знаешь, я не смогу...

– Как и прежде, будешь на штурвале, – успокоил его Эриксон.

– Ты хочешь сказать... – Рольф вскинул удивленный взгляд на Эриксона.

– Я пять лет проплавал кочегаром, потом почти столько же рулевым, пока купил эту посудину. С моих ладоней до сих пор не до конца сошли мозоли, – он показал рулевому свои руки. – Они еще не забыли черенок лопаты.

– Ну что ж... С Божьей помощью, – Рольф перекрестился и тихо добавил: – Только и самим надо постараться. Я еще совсем мальчонкой был, помню, отец мне часто говорил: «Ты помоги Богу своими малыми силами, он заметит твое усердие, ответит тебе своей большой силой».

– И я о том же. Мебельщики уже вторую неделю на голодном пайке. Одной ходки им будет мало. Во вторую уже с кочегаром пойдем, – пообещал капитан.

И они разошлись. Точнее, Рольф остался в рубке. В прежние годы Эриксон не часто доверял штурвал Рольфу, но со временем должность рулевого целиком легла на него, потому что на таком малом судне с экипажем всего в три человека у капитана всегда непредвиденной работы находится намного больше, чем на большом корабле.

Эриксон спустился вниз, в свою крохотную каюту, переделался и прошел в кочегарку. Открыл заслонку топки: там еще теплились слабые огоньки. Взял в углу лопату, ловко перебросил ее из руки в руку, словно вспоминая давно забытые движения, затем решительным

взмахом зачерпнул совком изрядную порцию угля и швырнул его в топку. После нескольких таких взмахов он перемешал еще не до конца перегоревший уголь с порцией нового, свежего. Опершись на лопату, понаблюдав, глядя в топку. Кое-где не сразу и как-то робко заплясали синие огоньки. Колочий дымок пополз по кочегарке.

Раскочегарив топку, капитан поднялся на несколько ступеней и, встретившись глазами с ждущим команды Рольфом, махнул ему. Рольф торопливо прошел с палубы на пирс, снял с кнехтов швартовые канаты и тут же вернулся к себе. «Эскильстуна» тихо, увлекаемая легким течением, стала отчаливать от причала.

Так все хорошо начиналось...

2

А потом было трехнедельное, полное неудач плавание. В Лулео они пришли к вечеру третьего дня. Могли бы приплыть и чуть раньше, но северный ветер дул им в лицо и заметно гасил скорость парохода. Когда они были уже совсем близко от Лулео, рулевой вызвал капитана на мостик. Он появился там мокрый от пота и с темным от сажи лицом.

– Посмотри туда! – рулевой указал капитану на уходящее в сторону Стокгольма тяжело груженное лесом судно и мрачно спросил: – Только что разминулись. Не с нашим ли лесом?

– Мало ли их с лесом ходит... Здесь, на побережье, с десятков таких лесопилок, как в Лулео, – сказал капитан, глядя туда, где в вечернем тумане истаявал вдали груженный лесом трудяга-лесовоз. Но легкое беспокойство поселилось в его душе. И не напрасно.

Лулео встретил их пустыми складами, размещенными у самой воды. На причале ожидал знакомый Эриксону маклер. Он еще издали обескураженно развел руками:

– Вы их встретили, да? Я почти двое суток мариновал их, ждал вас. Потом решил, что у вас что-то не сложилось. А Стокгольм забрасывал меня телеграммами. Восемь телеграмм за два дня. Что мне оставалось делать? Извини!

Эриксон долго молчал. Да и что он мог сказать маклеру? Опоздали, все верно. Маклер ведь тоже не сам себе хозяин, хоть и его приятель. Хозяину нужны деньги, а лес на складе, это всего лишь товар. Тут все понятно. Капитана теперь беспокоило совсем иное: угля на обратный путь может, пожалуй, с натяжкой хватить. Это если на обратном пути никуда не заходить. Вычеркнуть эти шесть-семь дней из своей жизни, списать на неудачу и забыть, как дурной сон. Но можно поступить и по-другому. В Ботническом заливе еще много портов, где, глядишь, ему может улыбнуться удача. Ну, пусть будет не лес, а что-то совсем другое. Можно, к примеру, зайти к финнам: в Кемь, в Оулу или в Рахе. В прежние времена он никогда не уходил оттуда порожняком. Или в свои шведские порты Шелефтео или Умео. Где-то что-то обязательно найдется. Но чтобы осуществить такой маневр, нужно дополнительно запастись углем. А он стоит немалых денег. Их у Эриксона не было.

– Скажи, ты не богат углем? – напрямую спросил Эриксон у маклера.

– Ну, есть немного, – неохотно ответил тот, хотя и понимал, что выручать давнего знакомого придется. – Хороший уголь, дорогой. Тебе много надо?

– Чтобы хоть вернуться без приключений. Ну, может, по пути забегу в какой-либо порт. Не возвращаться же домой порожняком.

– Я спрашиваю, сколько? – уже тверже спросил маклер.

– Дорогой, говоришь? – замялся Эриксон. – Мне бы тонн пять... Ну, даже три. Только рассчитаюсь не сегодня. Карман пустой. Рассчитывал на тебя. Не упрекнешь: никогда прежде тебя не подводил. А тут: ветер северный, машина вовсю, а иду на малом ходу. Вот и опоздал немного.

– Не немного, а почти на сутки.

– Ну что теперь об этом... – Эриксон подумал, что не стоит ссориться с маклером, тот рассердится, затаит обиду, не предложит больше хорошую работу, да и сейчас – в его праве дать или не дать ему угля в долг. И он мягко и добродушно добавил: – Ладно, будем считать: оба виноваты. – И перешел на деловой тон: – Так об угле. Или отработаю, или потом деньгами расплачусь. И не сомневайся, ты меня знаешь.

– Ты меня тоже. Не мог я мебельщиков подвести. Давние клиенты. – И, немного поразмыслив, маклер твердо сказал: – Договорились: три тонны... К финнам заходить не советую. Мало ли что: они все еще воюют, и законы у них тоже военные. Приглянется кому-то твой пароходик – отберут. Или военные грузы заставят перевозить. Бесплатно.

Эриксон прислушался к совету, в Финляндию не пошел.

Несколько суток они болтались в Ботническом заливе: неторопливо приближаясь к дому, попутно заходили в порты. Но удача напрочь отвернулась от них. Эриксон объяснял это войной.

Еще когда она только началась, Швеция заявила о своем нейтралитете. И торговля особенно между странами прежде бойкая стала постепенно сходить на нет. Ботнический залив опустел, ночами он и вовсе замирал. Прежде навстречу «Эскильстуне» плыли или обгоняли ее ярко освещенные, гремящие музыкой большие и маленькие, торговые и пассажирские суда. Теперь же финская сторона залива словно погрузилась в кромешную темень и тишину. Шведская тоже не очень щедро освещала себя. Экономии на всем, надеясь на лучшее, но опасались худшего.

Флот тоже нищенствовал. Стал меньше перевозить грузов, экономя на электричестве, угле, бензине.

И все же люди жили. Они нуждались в продуктах питания, товарах. И чаще всего, тоже из экономии, по заливу плыли доверху груженные суда, на всякий случай прижимаясь поближе к берегу.

Уже неподалеку от Стокгольма им навстречу прошли несколько тяжело груженных пароходов.

«Хорошее предвестие», – подумал Эриксон. И с некоторой надеждой сказал рулевому:

– Не отчаивайся, Рольф. Впереди богатый порт Евле. Почти уверен, в нем нам обязательно повезет.

– Да, капитан. Бог обязательно заметит наше усердие и вознаградит, – поддержал Эриксона рулевой. Это была, пожалуй, самая длинная фраза, которую произнес Рольф за все время скитаний по заливу.

Но и в Евле их тоже ждала неудача. Лишь осенняя погода на все время их плавания повернула к ним свой ясный лик: стояла солнечная и тихая.

Больше они ни в один попутный порт уже не заходили.

На семнадцатые сутки плавания «Эскильстуна» проплыла мимо гряды Аландских островов. Кое-где на их сером фоне заплатами выделялись красные квадраты черепичных крыш. А еще через пару часов рулевой склонился к переговорнику:

– Капитан! Проходим Бекхольм. Швартуемся на старом месте?

Эриксон ничего не ответил, но вскоре сам возник в рубке.

Мимо них проплыли кирпичные стены высоких эллингов острова Бекхольм, из-за них, словно настороженные аисты, глядели в небо решетчатые краны. У причалов густо теснились большие грузовые пароходы.

Затем «Эскильстуна» стала поворачивать, и остров Бекхольм со своими кранами и пароходами стал, словно декорация в театре, сдвигаться в сторону, и перед ними медленно возник Стокгольм.

3

Собственно, их взорам открылся даже не сам Стокгольм, а остров Стаден, на котором разместилась основная часть города, его деловой, торговый и административный центр с дворцами, соборами, отелями.

За дощатыми пакгаузами просматривались сбегающие к набережной улицы, по ним куда-то торопились автомобили. В плеск волн о каменные стены набережной и хриплые крики драчливых чаек вплетались резкие, требовательные звонки трамваев.

Они вошли в небольшой залив Стремен, место стоянки малых судов. Проплыли мимо стоящих неподалеку от берега на якорях небольших парусников, а также похожих на игрушечные, ярко раскрашенных прогулочных пароходиков, и направились к своей швартовой стоянке.

Затих движок, и в рубке поселилась тишина. Рольф повесил на вешалку свою поношенную брезентовую куртку и накинул на себя нарядную, выходную.

Вскоре в рубке появился уже умывшийся и переодевшийся Эриксон. Он присел на высокий вращающийся стульчик, достал из кармана коробочку с сигарами, привычно специальным ножичком срезал у одной кончик и, шурясь от солнечного света, заполонившего рубку, закурил. И все это молча и сосредоточенно.

Рулевой стоял, опершись на штурвал, и ждал, что скажет капитан. Но Эриксон продолжал угрюмо молчать, хотя его лицо жило. Оно то хмурилось, то прояснялось. Похоже, он подводил итоги их неудачного плавания. По крайней мере так понял Рольф молчание капитана, и чтобы хоть как-то ободрить его, утешить, что ли, он первым нарушил тишину. Бодрым, не соответствующим всем тем неприятностям, что с ними произошли, голосом, он проронил:

– Я что хотел тебе сказать, Эрик...

Эриксона на самом деле звали Густав, но почти все хорошие знакомые и друзья чаще всего звали его Эриком. Так производное от фамилии стало его именем. Он привык к нему или смирился, но откликался на него без всякой обиды.

– Скажи что-нибудь хорошее, – не поднимая головы, мрачно отозвался капитан. – Плохого сверх головы.

– Так вот, послушай. Еще когда мы ушли из Евле, я услышал голос. Правда! Нигде никого. Ты – в кочегарке. А кто-то вроде как рядом со мной стоит и говорит...

– Заснул, что ли? – перебил его Эриксон. – Такое иногда случается. Это когда крепко из сна выбьешься.

– Да что ты! Когда в Евле кантовались, я успел хорошо поспать. А это, когда мы уже часа два по заливу шли, – даже обиделся рулевой.

– Ну-ну! И что он... этот голос? – с легкой иронией спросил капитан.

– Твое дело, можешь не верить. А сказал он вот что. «Не печальтесь, говорит, звезды так поворачиваются, что следующее ваше плавание будет очень удачное. Даже сверх того».

– Так и сказал: «Сверх того»? – скривился в мрачной улыбке Эриксон.

– Слово в слово.

– Ну да! «Сверх того» – это сверх чего? – И мягко, но настойчиво капитан продолжил: – Когда мимо Бекхольма шли, заметил, сколько там грузовиков на якорях стоят? Не чета «Эскильстуне». В прошлые годы ты видел такое? А сколько их здесь, в Стремене? – он указал на окно рубки. – И все они тоже готовы ухватиться хоть за какую-никакую работу.

– Кругом воют, – вздохнул рулевой.

– И я о том же. – И капитан с издевкой повторил: – «Сверх того»...

– А, может, по Меларену сплавляем? – с неуверенностью в голосе предложил Рольф.

– Нет, – качнул головой Эриксон. – Разве забыл? Даже уголь не оправдывали.

Он опустил руку в карман, извлек кошелек. Достал оттуда несколько стокроновых купюр и, раскинув их веером, положил на столик рядом с вахтенным журналом и лоцманской картой. Встряхнул кошельком.

– Пусто! – и указал глазами на купюры, что лежали на столике. – Это все, что у меня на сегодня есть. Все мое богатство. И еще «Эскильстуна», но, к сожалению, она пока приносит только одни убытки.

Рулевой молчал.

Эриксон посчитал купюры, их было шесть. Отделил три, протянул рулевому:

– Извини, но это все, что я могу тебе сейчас заплатить. Идти пока никуда не собираюсь, так что поищи себе работу. А я постою до лучших времен. Разбогатею – рассчитаюсь. Если вдруг подвернется что-то подходящее, позову.

Рулевой аккуратно свернул купюры и сунул в карман куртки. Делал он это безмолвно, механически. Он не был готов к такому расставанию с капитаном.

Эриксон заметил его отрешенный вид, никакие утешительные слова не шли в голову, но и врать он не хотел. Да и не умел врать. Поэтому сказал:

– Извини, к сожалению, ничем больше, ни словами, ни деньгами не могу тебя утешить. Одно обещаю: постараюсь в ближайшее же время рассчитаться. Я помню все свои долги. И еще никто ни разу не упрекнул меня, что я обманул.

– Ничего, капитан. Пройдет и эта полоса, – ободряюще и как-то застенчиво улыбнулся ему рулевой. – Все же надеюсь, что кто-то из нас родился под счастливой звездой. И тот голос... Знаешь, я верю, он меня не обманул.

Эриксон промолчал. Не дождавшись его ответа, рулевой махнул рукой:

– Ладно, Эрик. Будет, как будет. Даст Бог, мы еще поплываем вместе. Мне было хорошо с тобой.

Прихватив свой чемоданчик, рулевой спустился на набережную. Ступал он твердо, голову держал высоко. Шел так, будто в его кармане лежала не одна тысяча крон. Он был уже не молод, но еще и не настолько стар, чтобы неудача согнула его. К тому же он привык к ним. Они сопровождали его всю его сознательную жизнь и не сломили его. В его походке чувствовалось некое достойное прошлое: еще не так давно он стоял за штурвалами судов куда как лучших «Эскильстуны», и память об этом жила в нем и держала его на плаву.

Эриксон вышел из рубки на мостик и проводил Рольфа тоскливым взглядом.

А Рольф шел мимо уткнувшихся в набережную пароходов, пустых и немых, как катафалки. Над его головой жалобно покрикивали чайки.

Затем и Эриксон, решительно бросив в воду окурочка сигары и заперев рубку, тоже спустился на набережную, прошел мимо тех же пришвартованных к пирсу безработных труг-пароходов: они слегка покачивались на легкой прибрежной волне и словно вздыхали, вспоминая о своем недавнем прошлом. Кое-где между ними стояли рыбацкие фелюги со спущенными и слегка шелестящими на слабом ветру парусами.

4

В припортовой таверне было малолюдно и сумеречно. Сквозь узкие окошки полуподвального помещения сюда скупко проникал дневной свет, с трудом пробивая дымную табачную пелену.

Посетителей было немного, тесно будет позже, когда закончится рабочий день и в городе зажгутся уличные фонари. Пока же матросы, грузчики и просто безработные коротали здесь свое время, сидя по двое, по трое за узкими столиками, пили пиво, курили и шумно обсуждали что-то свое.

Эриксон высмотрел никем не занятый у окошка столик и в одиночестве тянул свое пиво. Рядом с ним у рулетки сгрудилась шумная компания. Игра была ленивая. Время от времени кто-то из посетителей поднимался из-за своего стола, шел к рулетке. Тогда скопившиеся здесь болельщики расступались, уступая место новому игроку. Воцарялась тишина. И десятки глаз напряженно следили за мечущимся по полю рулетки шариком. Болели за каждого игрока. Особенно за тех, кто играл по-крупному. В таверне существовал негласный закон: половиной выигрыша счастливчик угощал болельщиков.

Эриксон, углубленный в свои размышления, какое-то время совсем не замечал шумное соседство. Потом невольно стал наблюдать за игрой и игроками. Это отвлекло его от невеселых дум. Потом, оставив недопитую кружку, решительно встал и направился к рулетке. На ходу извлек из кармана бумажные пятьдесят крон и держал их в руках.

Крупье принял у него деньги. Завертелась рулетка, из рук крупье выпал шарик и, подпрыгивая, помчался по полю. Замерли болельщики. Эриксон безучастно наблюдал за мечущимся шариком, игра несколько не увлекала его. Он просто «сжигал» свободное время.

Шарик долго и неумоимо носился по диску, постепенно замедляя свой суетливый бег и, наконец, обессиленный, свалился в лунку.

Болельщики печально вздохнули.

Крупье небрежно подгреб проигранную Эриксоном купюру к себе, к небольшой кучке таких же мелких и более крупных купюр. Кончено. Последняя неудача в почти двадцатидневной череде неудач.

– Что-то ты давно не заглядывал к нам, Эрик? – спросил крупье.

– Соскучился? – мрачно спросил Эриксон.

– Далеко ходил?

Капитан не ответил. Он прошел между столиками сквозь гомон и табачный дым. Поднялся по ступенькам и вышел на улицу. Солнце светило тускло, иногда скрываясь за серыми осенними облаками. Прикинул: еще часа два до того времени, пока оно окунется в пучину залива.

Эриксон шел по малолюдной набережной. Еще немного – кончится рабочий день, и город оживет. А пока... пока по набережной неспешно бродили те, кому некуда и незачем было торопиться. Он был один из них. Снова прошел мимо приткнувшихся к причальным стенкам судов. Постоял возле своей «Эскильстуны», потом поднялся на палубу и, словно впервые, разглядел стоящую в самом углу спасательную шлюпку. Она вдруг бросилась ему в глаза своей неухоженной заброшенностью. Каждый раз при ремонте парохода о ней почему-то забывали. Она была вроде сироты, до нее все как-то не доходили руки.

«Все! Надо будет и ее привести в тот пристойный вид, в котором находится “Эскильстуна”», – решил он, прикидывая, на что еще, такое же полезное, потратить образовавшееся у него свободное время...

С набережной он вышел на улицу, пошел вдоль трамвайных путей. Стал накрапывать мелкий дождь, но он его не замечал.

Его догнали несколько парней, он видел их в таверне.

– Промокнешь, капитан, – узнали его парни.

– Ничего, не глиняный.

– А то, давай с нами. Тут недалеко на площади митинг.

– Против чего митинг? – спросил Эриксон.

– Ты знаешь, в России революция...

– Ну и что? Мы-то в чем провинились? Мы – нейтральные, – отмахнулся от приглашения капитан и, смахнув с фуражки дождь, добавил: – Пустое это дело – митинги. Работать надо, а не митинговать. Думаю, те, кто должен вас услышать, под дождем мокнуть не станет.

Подошел трамвай. Парни веселой шумной гурьбой втиснулись в дверь. Последний, уже стоящий в проеме, протянул руку:

– Поехали, капитан. Не пожалеешь!

Идти в одиночестве под дождевиком не хотелось, хотя он уже потихоньку шел на убыль, и дождевые тучки уплывали за город. К тому же эти молодые, веселые парни понравились ему своей энергией, оптимизмом. Он принял протянутую руку, и они с шумом и гоготом втащили его в уже трогавшийся трамвай.

Вместе с ними он стоял в тамбуре, они продолжали начатый еще по пути к трамвайной остановке спор. Эриксон не особенно вникал в него, слышал только обрывки фраз:

– А что финны? Их тоже втянули!

– Кто не захочет, того не втянешь. Нас же не втянули...

– Есть такое слово «солидарность», – один из парней обернулся к Эриксону. – Для этого митинги. Это я не только им, но и тебе, капитан! – И снова продолжил, уже своим товарищам: – Если все мы, рабочие и крестьяне, не поднимемся, Россию задавят...

На третьей остановке они высыпали из трамвая. Эриксон не собирался выходить. Но он стоял в их окружении, и когда трамвай остановился, они из вежливости посторонились, пропуская его. И он, вопреки своему желанию или, наоборот, уже проснувшегося в нем любопытству взглянуть на тех, кто в такую погоду митингует, вышел.

Еще спускаясь с подножки трамвая, он увидел неподалеку небольшую толпу. Люди стояли под все еще сеющим мелким дождем, а над этой мокрой толпой он увидел такие же мокрые, с расплывшимися по ткани буквами, самодельные транспаранты: «Социалистическая революция в опасности!», «Не позволим задушить революцию рабочих и крестьян!», «Новая Россия, мы с тобой!»

Эриксон потом, позже, сам себе не мог ответить, почему он так легко поддался на уговоры молодежи поехать с ними? Возможно, ему просто захотелось вернуться в свою далекую и совсем не безмятежную молодость, когда он был таким же, как и они: способным на бессмысленные поступки, а то, случалось, и на довольно опасные авантюры? Но, скорее всего, ему захотелось узнать, насколько все это серьезно, это восстание, которое называют российской социал-демократической революцией? Почему о ней говорит едва ли не половина мира? Чем она привлекает этих парней, которые, как он с высоты своего возраста понимал, являются будущим Швеции? Много ли у них единомышленников?

Из истории он знал, что всякий бунт или крупное восстание, которое еще называют революцией, вбирающее в себя весь народ, начинается с беспорядков, продолжается всеобщим разграблением, а кончается голодом. И сопровождается кровью. Морем крови. Слава богу, чаша пока стороной обошла Швецию. Но, похоже, не все думают так, как он. Вот и эти парни, они вряд ли понимают его. Почему?

Народу на митинге действительно было немного, человек пятьдесят. Но с каждой минутой их становилось все больше, может быть, потому, что кончался рабочий день, или из-за того, что прекращался дождь, и в прорывах уплывающих облаков все чаще выглядывало низкое предвечернее солнце. Пока же митинг был вялый. Выступали все, кто хотел что-то сказать о русской революции, хотя толком мало кто о ней что-то знал. А те, кто знал, стояли возле наспех сколоченной из досок невысокой трибуны и ждали наплыва людей.

Эриксон протиснулся сквозь толпу поближе к трибуне и во все стороны вертел головой: раз уж оказался здесь, старался лучше все увидеть и услышать. Случайно нащупал под ногами какой-то раздавленный ящик, приспособился, встал на него. Стоять было не очень удобно и утомительно, зато все происходящее было как на ладони.

Выступал тощий пожилой человек, лохматый и небритый, вероятно, профессиональный революционер. Их много в любой стране. Но когда начинается смута, они, как правило, куда-то исчезают. Их дело – митинги. Это их стихия. Они умеют красиво говорить.

Вот и этот говорил громко и красиво, время от времени поднимая над головой руку со сжатым кулаком, словно сам себе дирижировал:

– Социалистическая революция уже не эксперимент! Она состоялась в России, она уже перешагнула государственные границы и скоро широко зашагает по всему миру. Да, она испугала денежных мешков. С помощью своих капиталов они решили ее уничтожить, утопить в народной крови. В России льется кровь...

Потом его сменил на трибуне болезненного вида молодой человек. Он ринулся в бой с предыдущим оратором:

– Слова, слова! Мы истекаем пустыми словами. А России нужно не пустопорожнее говорение, а помощь. Настоящая действенная помощь. Социалистическая Россия голодает. Раненые и больные нуждаются в хлебе, в лекарствах...

Эриксон еще издали увидел полицейскую машину. Виляя в грязи, она приблизилась к митингующим. Трое в штатском выбрались из машины и сквозь расступающуюся толпу стали продвигаться к трибуне.

– Мы часто к делу и не к делу произносим прекрасное слово «солидарность», – тяжело откашлявшись, молодой человек продолжил выступать. – Так вот, это слово означает не только сочувствие, но и помощь. Любую помощь. Красная Россия крайне в ней нуждается...

Полицейские в штатском приблизились к трибуне, молодой человек увидел их, но не замолчал:

– Из капель рождается ручей, из ручьев – реки, затем моря. Каждый из вас может внести посильную помощь делу революции: кто деньгами, кто продуктами, кто лекарствами...

Когда полицейские приблизились к оратору, он повысил голос. Последние слова он уже обращал не столько собравшимся, но, скорее всего, полицейским:

– Мы все люди, и профессия каждого из нас здесь не при чем. Рабочий и крестьянин, полицейский и адвокат – все мы народ. И наш народ не только может, но и обязан помочь русскому народу, который первым не земле...

Полицейские быстро и умело сняли молодого оратора с ящиков, двое взяли его за руки.

– Фамилия?

– А то вы меня не знаете! – язвительно сказал молодой человек. – Скажите еще, что первый раз видите.

– Для порядка, – сердито заявил грузный полицейский. – Попробуй, разберись в вашем брате-революционере. Вчера брали – одна фамилия, на следующий день – уже другая. И паспорт другой. Фармазоны!

– Ну, Ларсен моя фамилия, – спокойно сказал молодой человек.

– Правильно, Ларсен. Значит, не успел еще сменить, – удовлетворенно буркнул старший.

– А, собственно, в чем дело? – продолжил выяснять Ларсен: он, похоже, уже не однажды бывал в подобных переделках. – Что такого я насыпал властям в штаны, что у них понос?

Тем временем грузный полицейский тяжело взобрался на шаткую, наскоро сколоченную из ящиков трибуну и командным голосом обратился к митингующим:

– Прошу прекратить недозволенное мероприятие и очистить территорию!

Толпа загудела, одиночки стали что-то выкрикивать.

– И не надо кричать! В соответствии с законом еще раз прошу вас разойтись! Не заставляйте меня вызывать на помощь подкрепление!

Швеция – страна хорошо вышколенных, послушных людей. Сразу повернулись спиной к трибуне задние, только что пришедшие. Они сделали вид, что случайно не туда попали. За ними потянулись и другие.

Эриксон слез со своего ящика и, стоя на месте, с любопытством наблюдал за тем, как пустеет площадь, Недовольная толпа гудела, как растревоженный улей, и обтекала его, как вода камень. Последнее, что он увидел: пожилой полицейский наступил на оброненный кем-то пла-

кат и старательно вытер об него грязные ботинки. Затем все втроем они обступили молодого оратора – Эриксон запомнил его фамилию: Ларсен – и повели его к машине.

Проводив взглядом скрывшуюся за поворотом полицейскую машину, Эриксон неторопливо пошел к трамвайной остановке. Мог ли он представить себе, что довольно скоро снова встретится с Ларсеном, и эта встреча круто изменит его жизнь?

5

Завечерело. На улицах города зажглись фонари, прибавилось людей. Большинство возвращалось с работы, а молодежь даже успела переодеться и неторопливо фланировала в поисках вечерних приключений. На иных улочках полицейскому автомобилю уже приходилось часто клаксонить, с требованием посторониться.

Ларсен со спокойным любопытством смотрел в боковое окошко автомобиля. Он узнавал эти улицы, и даже знал, куда его повезут. Для начала – в полицию, а оттуда – в охраняемую ночлежку. Утром выпишут штраф и отпустят. Так бывало уже не однажды.

Но в этот раз в привычном порядке что-то нарушилось. Ларсен обернулся к грузному полицейскому, как он понял, старшему среди них, и удивленно спросил:

– Э-э, господа! Полицейский участок уже проехали. Куда вы меня везете?

Старший полицейский коротко взглянул на Ларсена, отметив его уже порядком поношенную одежду и грязные ботинки.

– Надеюсь, у тебя найдется что-то более приличное, чтобы переодеться? – буркнул полицейский.

– О-ля-ля! Не иначе, мы едем на чей-то богатый ужин? – весело предположил Ларсен. – Угадал?

– Приблизительно. Просили доставить тебя к премьер-министру. Только не очень радуйся. После того как ты в своей грязной газетке обозвал его авантюристом и лгуном, он вряд ли предложит тебе даже чай, я уже не говорю о бутерброде.

– Обойдусь своими бутербродами. На всякий случай они у меня всегда с собой, – и Ларсен похлопал ладонью по портфелю.

Проехали еще пару кварталов. И он снова, теперь уже более настороженно, спросил:

– Ну и какую лапшу будете еще мне на уши вешать? Риксдаг миновали. Куда везете?

– Разве я тебе не сказал? К тебе домой. Не можешь же ты таким чучелом предстать перед премьер-министром, – уже сердито ответил полицейский. – И помолчи немного. До чего ты уже всем нам надоел со своей болтовней!

– Жаль. А я приготовил для митинга хорошую речь. Хотел в порядке репетиции произнести ее вам.

– Премьер-министру произнесешь.

На окраине города, в «газетном» квартале «Клара», автомобиль остановился возле неухоженного кирпичного здания. Ларсен в сопровождении полицейских поднялся на второй этаж, своими ключами открыл дверь со скромной вывеской «Вечерний экспресс». Церемонно ее распахнув, пригласил:

– Прошу!

Большая комната с низким потолком скорее напоминала склад, чувствовалось, что в нем работает много людей. Несколько столов были завалены газетными верстками, гранками. На двух столах стояли пишущие машинки. В дальнем углу громоздился продавленный диван, в головах, где должна находиться подушка, лежал толстый, порядком потрепанный том с оборванными обложками, осеннее пальто заменяло одеяло. Рядом с диваном стоял грубый платяной шкаф, и еще один – книжный, плотно заполненный старыми потрепанными и новыми книгами, вероятнее всего, различными справочниками, словарями и энциклопедиями. И повсюду,

где только возможно, громоздились один на другом заколоченные ящики с известной эмблемой Красного Креста: змеей и чашей.

– Быстрее переодевайся! – стали поторапливать Ларсена полицейские.

– А я никуда не спешу. Если уж я так срочно нужен премьер-министру, подождет, – с легкой мстительной издевкой ответил Ларсен. – Приличные люди заранее сообщают о предстоящей аудиенции.

– Ну, ты! Не выламывайся! «Приличный человек»... «Аудиенция»... Смотри, слова какие знает! – недовольно проворчал старший полицейский.

Ларсен стал извлекать из шкафа одежду, прикидывая, что бы надеть. Натянул на себя свежую рубашу, взял в руки несколько галстуков, оценивая их пересмотрел, выбрал один. Краем глаза заметил, как один из полицейских, остановившись возле штабелей ящиков, долго задумчиво их рассматривал. Любопытство взяло верх: потряс верхний. И он отозвался стеклянным звоном.

– Осторожно! – строго сказал Ларсен. – Там лекарства!

– Ты быстрее поворачивайся! – уже начал сердиться старший полицейский. – Ночь на дворе!

Ларсен не стал отвечать, перебирая что-то в шкафу. Оттуда вывалилась куча старых газет, затем шляпа-котелок.

Старший полицейский остановился за спиной Ларсена, заглянул в шкаф:

– И откуда у господина редактора будут деньги на хорошую одежду, если он все их тратит на социализм? – задумчиво, сам себе задал вопрос полицейский и бросил взгляд на ноги Ларсена. – Даже сапожную щетку не может купить.

Ларсен демонстративно скомкал газету, протер ею ботинки. Когда распрямился, один из полицейских нахлобучил ему на голову шляпу-котелок, оценивая взглядом, слегка подправил. После этого оглядел его целиком и удовлетворенно произнес:

– Ну, вот! Стал хоть чуть-чуть на человека похож. – И добавил: – Будешь у премьер-министра, не забудь ему сказать, что полиция обошлась с тобой лучше, чем родная мама.

Проплутав по городу, полицейский автомобиль выехал на богатые и хорошо освещенные центральные улицы и остановился у строгого здания риксдага.

Старший полицейский проводил Ларсена до входной двери и, уже стоя перед нею, взглянул на часы. И почти тотчас перед ними широко распахнулась тяжелая дверь.

– Иди!

Только сейчас Ларсен поверил, что полицейские не подсмеивались над ним, не шутили, и у него действительно предстояла какая-то важная встреча. Если не с самим премьер-министром, то все равно с кем-то из важных государственных чиновников.

Но, теряясь в догадках, он так и не смог понять, зачем он им нужен, какие у него могут быть с ними общие дела? Вполне возможно, это вообще какая-то ошибка. Впрочем, какой смысл ломать голову, если скоро все станет на свои места? Если ошибка, извинятся и выставят за эту массивную государственную дверь.

Пока он так размышлял, одергивая полы куртки и поправляя галстук, перед ним возник невысокий лохотенный правительственный чиновник.

– Господин Ларсен?

– К вашим услугам.

Чиновник сделал приглашающий жест и пошел по ковровым дорожкам в глубь здания. Ларсен двинулся следом.

Отражаясь в богатых зеркалах, он бесшумно, словно тень, продвигался по широким коридорам. Все происходящее смущало его: он уже давно привык к грубости, оскорблениям, обидам, привык к яростной жестокой борьбе за выживание. Ни с чем подобным, ни с блистаю-

щими золотом тяжелыми люстрами, ни с ослепительно-белым мрамором дворцовых анфилад он слишком давно не соприкасался. Да и прежде это случалось редко и коротко. Вся эта роскошь должна была подавлять человека, напоминать ему, что здесь делается большая политика.

Ларсен коротко остановился, чтобы сосредоточиться и взять себя в руки. Провожающий его чиновник, не оборачиваясь, тоже остановился, видимо, все время держал его зеркальное отражение в поле своего зрения. Он, похоже, давно здесь работал и знал, как действуют эти стены на любого оказавшегося в них человека.

Они пошли дальше и вскоре оказались в просторном длинном кабинете, в котором большой резной стол занимал едва ли четвертую часть его пространства. Кабинет был пуст. Потом сзади Ларсена раздался какой-то едва слышимый звук, он обернулся и увидел издалика, из глубины кабинета, идущего к нему человека. Он узнал его, это был... премьер-министр Хольнер. В руке у него дымила сигара. Подойдя к Ларсену, Хольнер взмахом руки с сигарой указал ему на кресло:

– Садитесь, господин Ларсен.

Затем кивком головы он отпустил чиновника, приведшего сюда Ларсена. Выждав, когда за ним закроется дверь, Хольнер продолжил:

– Извините, что я заранее не предупредил вас о нашем желании встретиться с вами. Но, как выяснилось, вас нелегко найти.

Ларсен, чтобы обрести наконец свойственную ему уверенность, ответил не совсем так, как следовало бы, чтобы понравиться Хольнеру:

– Да, господин премьер-министр. Вот и сейчас, меня увезли прямо с митинга. Народу было немного: шел дождь, и там было грязно. Нам не дают собираться в чистых местах.

Хольнер едва заметно скривился и жестом руки с сигарой остановил Ларсена, давая тем самым понять, что не намерен обсуждать эту тему.

– О дождях и митингах мы с вами поговорим как-нибудь в другой раз, – он был человек занятой и не мог позволить себе пустопорожние разговоры. – Сейчас о другом. Мы, господин Ларсен, давно с интересом наблюдаем за вашей неутомимой и многотрудной работой.

– Я это иногда замечаю, – усмехнулся газетчик.

– Только, пожалуйста, не ставьте нам в вину еще и неуклюжую работу Министерства внутренних дел. У нас своих дел выше головы, – Хольнер словно даже пожаловался Ларсену, но тут же вернулся к начатому: – Я имею в виду вашу работу по сбору средств и закупке медикаментов для красной России. Поистине гуманное и благородное занятие.

Вот уж чего-чего, но такого начала разговора с премьер-министром, человеком высокого государственного ранга, Ларсен не мог себе представить. Он давно привык искать скрытые ловушки в разговорах с властями. Но, похоже, этот холеный, за многие годы поднаторевший в дипломатии человек был искренен. Тогда что это может означать? Только одно: нейтральная Швеция обращает свой взгляд, свои симпатии к социалистической России. По крайней мере до сегодняшнего дня его гуманитарная деятельность в пользу красной России, против которой ополчилась едва ли не половина мира, не одобрялась также и шведскими властями.

Хольнер оценил недоумение журналиста. Он открыл коробку с сигарами, намереваясь угостить гостя настоящей «гаваной». Но тут же раздумал, решив, что не стоит сокращать разделяющую их дистанцию, и закрыл коробку. Причем сделал это изящно: несколько раз поднял и опустил крышку, словно как бы игрался ею.

– Мне не однажды докладывали, что у вас проблемы с доставкой гуманитарных грузов в красный Петроград, – продолжил наконец Хольнер. – Он в блокаде, и, несмотря на то, что мы добросовестно соблюдаем нейтралитет, вряд ли какой-либо судовладелец, если он, конечно, не сумасшедший, рискнет без достаточных гарантий сунуться в этот огненный клубок. Я понимаю вас: там – люди, им нужна пища, нужны лекарства... Мы, шведы, – коммерсанты, господин Ларсен. А коммерция всегда над схваткой, не правда ли? Так вот, по моим размышлениям,

гарантией для судовладельца могут быть деньги. Причем хорошие деньги, ради которых стоит рисковать. Как я понимаю, вы, левые социал-демократы, не располагаете такими деньгами...

Хольнер сделал длинную паузу. Он, как игрок, изучал журналиста, прежде чем открыть свои карты. И мог свести разговор на нет, если почувствует, что тот не заинтересован в продолжении. Он не хотел, а возможно, даже не имел права проиграть. В конце концов найдется другой, который примет его пока еще не высказанное предложение. У него было несколько кандидатов, и Ларсен был лишь одним из них.

Ларсен первым нарушил тишину, он постепенно начинал понимать, куда клонит Хольнер, и, чтобы закончить эту игру в прятки, решительно сказал:

– Вы хотите предложить нам деньги? Мы откажемся от них, если они пахнут порохом.

Хольнеру ответ понравился.

– Вы умный человек, господин Ларсен. С вами легко разговаривать, – потеплев лицом, сказал он. – Неужели вы не понимаете, что Швеция объявила нейтралитет еще и по той причине, что мы не считаем для себя возможным зарабатывать на войне? – И, решив, что может несколько приоткрыть свои карты, он продолжил: – Теперь о предложении. Речь не о деньгах. Просто у нас есть возможность помочь вам организовать судно для поездки в Петроград. Вы переправите туда свои гуманитарные грузы. И сделаете еще одно доброе дело, которое, как мне кажется, очень поможет красной России. Так вот. Хотел бы услышать ваш ответ: готовы ли вы к такому плаванью? Это, конечно, не прогулка, оно сопряжено с определенными опасностями. Но вы ведь прежде уже совершали подобные поездки и даже, насколько я осведомлен, были хорошо знакомы с большевиком Вацлавом Воровским? Как вы, вероятно, осведомлены, после работы здесь, у нас, он вернулся к себе, в Россию, и сейчас очень известен и авторитетен среди большевиков...

Ларсен промолчал. Он напряженно осмысливал это предложение. Что за игру затевает премьер-министр? Его «нет» явно не устроит Хольнера. Но и «да», при всей заманчивости, может слишком дорого обойтись и ему и его партии.

– Так все же, чем мы вам будем за это обязаны? – напрямую спросил Ларсен.

– Ничем. Просто Швеция заинтересована в деле, которое вы попутно, без особого труда, выполните для нас.

– Слишком щедрый подарок. Я, безусловно, согласен, – с сомнением в голосе промолвил Ларсен и добавил: – Надеюсь, вы все же посвятите меня во все тайные подробности?

– Обо всем этом – не со мной. – Хольнер протянул руку к звонку, и в кабинет почти тотчас стремительно вошел высокий, крепкий человек средних лет, с тяжелой челюстью, с лицом уже оставившего ринг боксера. Вероятно, он в приемной ждал звонка. Вошел и стал рядом с Ларсеном, словно бы для того, чтобы подчеркнуть худобу и болезненность журналиста.

– Никольс, американский предприниматель... Ларсен, редактор социал-демократической газеты, – представил их друг другу премьер-министр.

Никольс протянул руку Ларсену и начал ее так трясти, словно встретил своего давно потерянного и внезапно вновь обретенного друга. У этого американца была широкая улыбка с большими белыми зубами, которая казалась приклеенной к его лицу и, похоже, никогда с него не сходила. Наверное, она сохранялась на его лица даже во сне. Он был слишком подвижный и шумный и, вероятно, везде себя чувствовал как рыба в воде.

– Я рад знакомству! Нам нужен именно такой человек, как вы! – радостно похлопывая своими большими ручищами Ларсена по плечу, произнес он на хорошем шведском языке.

– Кому – нам? – не принимая восторженную американскую манеру общения, спокойно спросил Ларсен.

– Это потом! Потом! Не это главное! – снова осклабился в белозубой улыбке американец.

Хольнер тем временем деликатно отошел к окну и стал сосредоточенно что-то там высматривать. Он сделал свое дело и всем своим видом показывал, что все дальнейшее его уже не интересует.

– Мой друг! Меня информировали, что вы были знакомы с этим большевиком Воровским, – продолжил Никольс.

– Да, был, – Ларсен бросил короткий взгляд на стоящего у окна Хольнера. – Но его попросили убраться из Швеции.

Ларсен понял, что Хольнер в подробностях посвятил Никольса о депортации Воровского из Стокгольма, потому что американец покачал головой и развел руками: дескать, он понимает премьер-министра, который, увы, испытывал давление.

– Но все оказалось к лучшему, друг мой! Сейчас Воровский в России – один из самых влиятельных большевиков, – радостно произнес Никольс. – А нам необходимо установить надежные связи с Россией, чтобы уже в самое ближайшее время можно было провести с большевистским правительством важные официальные переговоры. Надеюсь, вы понимаете, что об этом нашем разговоре никто не должен знать... Итак, я все сказал, и теперь, друг мой, надежда только на вас.

– На меня? – удивился Ларсен. – Почему на меня?

– Видите ли, большевики очень недоверчивы... Их, конечно, можно понять, – начал объяснять Никольс и взял Ларсена за руку. – Вы знаете Воровского, Воровский знает вас. Это уже много. Вам большевики поверят. Или уж, во всяком случае, внимательно вас выслушают. А если выслушают, то не смогут от наших предложений отказаться. Речь пойдет о взаимовыгодной торговле. Более подробно и предметно поговорим несколько позже.

– Почему же? Не люблю неопределенность. Выкладывайте все сейчас! – не попросил, а уже потребовал Ларсен. – Мне важно знать все, до самых мельчайших подробностей.

– Будут подробности, но несколько позже. Прежде всего, надо найти пароход с отчаянным экипажем, который рискнул бы и уже в ближайшие дни смог отправиться в блокадный Петроград. Обстановку там вы, вероятно, знаете? – спросил Никольс.

– Война.

– Не-ет, не просто война. Там Гражданская война. Она всегда более свирепа и крайне беспощадна. Что же я буду излагать вам подробности, если вся эта моя затея пока висит в воздухе? Найдется подходящий пароход – испарится неопределенность, тогда и обсудим детали, – на этом американец, похоже, поставил точку, но что-то вспоминая, попридержал руку Ларсена в своей: – Да, вот еще что, вам будет приятно узнать: и вас и экипаж парохода, который согласится отправиться в Петроград, мне поручено застраховать от любых рисков. Сумма, которую вы получите по возвращении, надеюсь, не покажется вам недостаточной.

6

Эриксон любил море. Хотя, по правде сказать, он увидел его уже в юношеском возрасте, а до этого времени при слове «море» он представлял себе озеро Венерн, на берегу которого стоял его родной городок Карлстад. Оно было большое, и его дальний противоположный берег лишь в ясную погоду, когда воздух по-осеннему чист и прозрачен, иногда виднелся вдали узкой полоской. Если такое озеро, какое же тогда море? А океан? Эти мысли не покидали мальчишку Густава до тех пор, пока однажды он не увидел настоящее море.

Семья жила бедно, из трех братьев лишь только один выбился в люди: Юхан. В праздничные дни он присылал им какие-то подарки. И мать Густава во время редких ссор упрекала отца: «Ах, какая я была глупая! Вышла бы замуж за твоего брата Юхана, и жила бы себе, как в раю».

Однажды отец собрался съездить к дяде Юхану, и мальчишка упросил взять его с собой. Ему совсем не интересен был дядя Юхан, но его согревала перспектива покататься на поезде.

Они ехали целый день, и все это время Густав не отходил от окна. Дорога была холмистая, поезд то нырял в туннели, то мчался по мостам. И тогда земля оказывалась далеко внизу, и Густаву казалось, что он летит над лугами, где паслись стада коров. С высоты и коровы, и пастухи казались совсем крохотными. Потом стало темнеть, и он, переполненный дневными дорожными впечатлениями, там же, сидя у окна, уснул.

А утром проснулся в чужой комнате, точнее, его разбудил незнакомый мужчина в необычной одежде. У себя в Карлстаде Густав тоже видел таких, это были матросы, они плавали на яхтах и пароходах по озеру.

– Вставай, будем знакомиться. Я – твой дядя Юхан, – мужчина широко улыбался, и лицо у него было доброе, приветливое. – Твой папа – мой брат. Стало быть, ты мой племянник.

– А вы кто? – спросил Густав.

– Экий ты непонятливый. Я же сказал: твой дядя.

– Я не про это, – мальчишка указал на одежду дяди Юхана и на его фуражку с позолоченной флотской эмблемой. – Вы матрос?

– Ну, в общем-то, да. Моряк. Даже точнее: капитан.

– А капитан главнее моряка? – спросил Густав.

– Как тебе сказать? Он тоже моряк. Но он знает чуть больше других моряков. Ну, к примеру, он хорошо знает морские дороги, и может даже в самую темную ночь привести свой корабль в нужный порт.

Потом дядя Юхан с отцом куда-то ушли, а тетюшка Ловиса накормила его завтраком, после чего отвела на море. Оно было огромное, без берегов. Куда ни глянешь – вода и вода. У него особенный запах, и над ним летают другие чайки, совсем не такие, как на их озере Венерн.

А еще через день дядя Юхан с разрешения папы взял его с собой в короткий рейс. Он проплавал целый день, потом ночь и еще день. Уже через какой-то час он начал осваиваться на «Якубе» – так назывался дядин пароход. Он быстро весь его изучил и уже знал путь и в кочегарку, и в рулевую рубку. Большую часть времени в рубке стоял дядя Юхан.

– Тебе нравится море? – спросил он.

– Да. Даже очень.

– Ну что ж. Тогда вставай к штурвалу. Он круглый, но это не значит, что его нужно туда-сюда крутить. Вот видишь, это компас, – указал дядя. – А на нем стрелочка. Она указывает, куда нам надо плыть. И если стрелка начинает отклоняться, ты с помощью штурвала ставишь ее на прежнее место, и она выведет нас туда, куда нам нужно. А нужно нам, Густав, в Стокгольм.

С тех пор прошли годы и годы. Давно нет на свете дяди Юхана, первого его учителя всем морским премудростям. Уже и сам он стал старше тогдашнего дяди. Долог был его путь к капитанскому мостику, вдвое дольше – к капитанскому мостику на своем пароходе...

Почему все это вспомнилось Эриксону? Наверное, потому, что он вдруг оказался без работы. В плавании не до воспоминаний. А когда много свободного времени, все прошлое само возникает в памяти.

Он стоял на палубе в своей брезентовой рабочей одежде возле шлюпки, в некоторых местах краска на ее бортах облезла, и проплешины светились голым деревом. Еще тогда, давно, дядя Юхан говорил: «Кто главный на пароходе? Капитан, топка и шлюпка! Если топка греет котел, двигатель работает, капитан приведет пароход в назначенное место. Если в шторм вода зальет топку, нет пару, заглож двигатель, но в порядке шлюпка – уже не все потеряно, до берега доберешься, а там люди, там жизнь».

Он давно собирался подкрасить шлюпку, но все не хватало времени. И вот – выдалось, можно не только шлюпку, весь пароход наново покрасить. Он извлек из потайных закоулков и вынес на палубу кисти и две банки краски. Редкой краски, на льняном масле. Такую сейчас не

найдешь. Эту краску он уже второй год берег, не пускал в дело. На таком масле краска даже на днищах судов держится до пяти лет, а то и дольше, ей не страшна ни морская вода, ни солнце. Прежде льняное семя привозили из России, и здесь из него отжимали масло. Но с тех пор, как в России начался этот бедлам, который они называют революцией, им там стало не до льняного масла. Уже пришло время, и всю «Эскильстуну» слегка бы обновить, да где ж теперь возьмешь столько этой редкой краски?

День стоял хороший, солнечный. До вечера он успеет покрасить шлюпку, а за ночь, если не будет дождя, она даже успеет слегка подсохнуть.

Он снял куртку, и едва только успел пару раз мазнуть кистью по шлюпке, как снизу, с набережной раздался голос:

– Эй, Эрик! Чем занимаешься?

Он глянул вниз, там стоял томящийся от безделья знакомый матрос с соседнего парохода.

– Ну что тебе? – не очень дружелюбно отозвался Эриксон, давая стоящему внизу понять, что он занят и не намерен вступать в разговоры.

– Да так, из любопытства. Я тебя с утра все высматривал...

– Не мешай. Хочу шлюпку покрасить.

– Продавать «Эскильстуну» собрался?

– С чего ты взял? Я еще не совсем выжил из ума.

– А чем красишь? Суриком?

– «Суриком» – скажешь такое! – с пренебрежением сказал Эриксон. – Белой, на льняном масле!

– Ух ты! Где ж ты ее достал? Я уже два года на льняном краску не видел.

– Старые запасы.

– Запасливый ты! А я уж почему-то подумал, что будешь продавать «Эскильстуну»... Ну, продолжай, крась!

Сделав еще несколько мазков краской по шлюпке, Эриксон снова оторвался от работы, подошел к краю палубы и спросил у все еще стоящего возле его причала матроса:

– Карл! А ты с чего вдруг стал меня искать?

– Не помню... Ах, да! Тут этот... маклер Бергстрем с утра тебя спрашивал. Два раза приходил. Я и подумал: не станет же он просто так тебя разыскивать.

– Если я ему нужен, и в третий раз придет. – И Эриксон снова вернулся к шлюпке, продолжил ее красить.

– Слышь, Эрик! А, может, он это... Ну, какую-нибудь работу хочет тебе предложить? – донеслось снизу.

– Иди своей дорогой, – с легкой досадой ответил Эриксон, продолжая старательно размаживать кистью. Работа спокойная, неторопливая, способствовала неспешному размышлению. «А и в самом деле, зачем Бергстрем меня разыскивает?» – подумал он. Аккуратно поддел шпателем старую облупившуюся краску, очистил добела доску и лишь после этого нанес на нее слой краски. Но при этом продолжал размышлять: «...Не было бы дела, не пришел бы. Два раза приходил. В третий раз может и не прийти. Таких, как я, ищущих работу, сейчас не пересчитать...»

7

Контора корабельного маклера Бергстрема находилась неподалеку, в конце набережной. Из своих окон маклер мог видеть стоящие у причалов пароходы, в том числе и «Эскильстуну».

Эриксон поднялся по ступенькам конторы, спросил стоящего в коридоре клерка:

– У себя хозяин?

– С утра был. Должно, на месте.

Бергстен действительно находился в кабинете.

– Мне сказали, будто бы ты меня сегодня искал? – спросил Эриксон. Держался он при этом независимо, с достоинством. – Не хочешь ли предложить работу?

– Я больше трех недель не видел твою колымагу у причала. Разве плохо заработал? – спросил Бергстен. Говорил он отрывисто, с тяжелой одышкой. – Куда бегал?

– Как собака-ищейка мотался по Меларену. Ноль. Потом около трех недель бегал по Ботнике, добежал до Лулео. Обшарил все порты, – он показал маклеру руки. – Веришь – нет, отказался от кочегара, сам стоял у топки...

– И что?

– То же самое – ноль.

– А кто же стоял у штурвала? – мягче, с некоторым сочувствием, спросил маклер.

– Рольф.

– Чем же ты расплатился с этим тихо помешанным? Чтением Библии?

Вместо ответа Эриксон сказал о наболевшем:

– Решил покрасить шляпку, а уже надо бы и «Эскильстуну». Больше трех лет не красил. Еще год-два, и ей конец.

– Я это заметил, – взглянув в окно, обронил Бергстрем. – Она уже приобрела цвет твоей бороды. Не слишком ли она у тебя красная для этой страны, Эрик?

– Я не занимаюсь политикой. И все равно, эта страна плюет на меня, – мрачно ответил Эриксон. – Наверное, поэтому моя борода постепенно краснеет.

Маклер открыл коробку с дешевыми сигарами, протянул одну Эриксону. Небрежно, как бы между прочим, спросил:

– У нее сколько тонн?

Эриксон взял сигару, с пробуждающимся интересом взглянул на маклера:

– Сто семьдесят три, – и, небрежно откусив кончик сигары, выплюнул его на пол. – У нее еще прочный корпус.

– Но больше всего ты ходил по озеру... по Меларену... Ну и еще по шхерам...

– Ошибаешься. Я набивал ее железным ломом выше рубки и ходил по Ботническому заливу. А сколько леса я приволакивал на ней из Лулео!..

Эриксон весь напрягся, чувствуя, что разговор явно не пустой. Маклер же слегка усмехнулся и отвернулся к окну, как бы давая понять Эриксону, что тот обманывает.

– Если хочешь знать, моя посудина два года одна снабжала лесом весь наш мебельный комбинат. Не веришь, спроси у них, – с некоторой обидой сказал Эриксон.

– То есть ты хочешь сказать, что она может одолеть даже осеннюю Балтику?

– Бьюсь об заклад, на ней можно идти даже в Атлантику! – торопливо и напористо ответил Эриксон. – Или в северные моря. Был бы фрахт, пошел бы. Я в нее, как в себя, верю.

– Ну, зачем же так далеко? – миролюбиво остановил Эриксона маклер и снова подчеркнуто небрежно спросил: – В Россию ты когда-нибудь ходил?

– Пару раз ходил в Петроград. Давно. Тогда у них было тихо. Теперь же отправиться туда может только полный идиот.

– А что, разве ты не рискуешь, когда ходишь по Ботническому? – попыхивая сигарой, задумчиво спросил маклер. – Сходить в Россию, конечно, определенный риск есть, но зато и заработок не сравнить. – И после долгого молчания добавил: – Ты так хвалишь свою посудину, что мне, право, захотелось ее поближе рассмотреть...

Они прошли по палубе, спустились в кочегарку, заглянули в машинное отделение... Маклер внимательно, цепко рассматривал все вокруг. Поднял решетку, прикрывающую днище, проверил, сухо ли там. Провел пальцем по шву...

– Слушай, а она у тебя еще в порядке. Хорошо следишь.

– Это мой дом и моя семья, – ответил капитан. – На ней я в основном и живу. В свой дом приезжаю лишь затем, чтобы проведать кота и собаку.

– Забрал бы их сюда.

– Пытался. Кот не выдерживает качки, а пес – одиночества.

Они поднялись наверх. Здесь гулял прохладный ветерок, стучала в борта набегающая волна, и пароход отвечал ей слегка приглушенным гулом. Надрывно кричали чайки. Воздух был чистый, осенний. На горизонте светило совсем низко висящее солнце. Бабье лето.

– Может, все же скажешь, кто меня нанимает? – решительно спросил Эриксон.

Маклер хитровато улыбнулся:

– Разве это для тебя так важно? – И, немного помедлив, ответил: – Нет, не я. Но чтобы тебе было спокойнее, скажу: я тоже буду принимать участие в доле.

Капитан вопросительно посмотрел на Бергстрема:

– Оружие?

– За кого ты меня принимаешь? Мы с тобой не первый год знакомы. Поверь, я тоже, как и ты, не полный идиот, чтобы связываться с оружием, – улыбнулся маклер. – Ничего противозаконного...

Эриксон продолжал вопросительно смотреть на маклера. И Бергстрем продолжил:

– Крестьянин, наш ли, равно как и русский, с осени начинает думать о весне. Плуги, бороны, лопаты... За такой груз тебя никто не осудит. Обратно загрузишься льняным семенем. Там оно сейчас почти ничего не стоит, а у нас цены на льняное масло поднялись почти до небес. Считай, набьешь пузо своей посуды золотом. Пара ходок, и ты станешь миллионером... Ну, так как? Принимаешь предложение?

Эриксон еще какое-то время, сомневаясь, размышлял. Он понимал: удастся ли стать миллионером – большой вопрос, а вот голову потерять можно легко и просто. Но и жить впредь, не зная, что будет и завтра, и через неделю, а то и через месяц...

Немного помедлив, он протянул Бергстрему руку.

8

Вскоре, вероятнее всего, в тот же день маклер Бергстем доложил премьер-министру Хольнеру о том, что подходящий пароход он нашел и обо всем договорился. Капитан надежный, но в связи с предстоящим риском запросил за рейс слишком высокую цену.

Хольнер ответил ему сразу, без раздумий:

– В серьезных делах торг неуместен. Тем более, что платим не мы, а Америка. Поэтому, не скупитесь, заплатите, сколько просит. Завтра же Америка все вам вернет.

Знал бы Хольнер, что Эриксону Бергстрем назвал только половину суммы, второй же половиной справедливо решил оплатить свои хлопоты...

На следующий день американец Никольс вновь встретился с журналистом. Хольнер отвел им для окончательной беседы один из уютных кабинетов, предназначенных в риксдаге для переговоров. Сам он участия в беседе не принимал, третьим в кабинете находился Бергстрем. Не зря он сказал Эриксону, что будет с ним в доле. Похоже, он ее уже получил, потому что сидел крайне довольный в уголке кабинета, в разговор не вмешивался и старался быть как можно более незаметным. Но при этом старался не выпускать из виду Ларсена, оценивал каждое его слово, чтобы быть в курсе всех тонкостей переговоров. Он был теперь крайне заинтересован в том, чтобы плавание состоялось, потому что при удаче он сорвал бы куш куда крупнее, чем тот, который уже успел получить сейчас.

Никольс же стоял перед картой, висящей на стене, и пытался разяснить Ларсену свои планы.

– Красная Россия истекает кровью, и, как мы полагаем, революция будет длиться еще долго. Но народ устал, он нуждается в мире. Так вот, некоторые влиятельные люди Америки хотят предложить России мир.

– Интересно... – Ларсен вскинул вопросительный взгляд на Никольса. – Позвольте полюбопытствовать: взамен на что? Или они вдруг все стали альтруистами?

– Мир! Разве он имеет какую-то цену?

– Все имеет цену... Вероятно, эти ваши влиятельные люди не просто предложат России мир. Они предложат условия, не так ли? Какие они? Ради чего мы отправимся в столь рискованное плавание? То есть я хочу до конца, до подробностей, знать суть их предложений. Я дорожу своей репутацией, и соглашусь далеко не на любое предложение, какие бы выгоды вы мне ни сулили.

Бергстрем замер: все шло так удачно, и на тебе... Репутация!

Никольс тоже заметно растерялся. Но уже после небольшой паузы, во время которой все просчитал, он понял, что, собственно, предложение Америки для России очень выгодное, хотя, возможно, и достаточно неожиданное. И, даже больше того, он, Никольс, все равно если не сегодня, то завтра должен был бы рассказать Ларсену о его миссии.

– Ну что ж, пожалуйста! – с легкой иронической улыбкой сказал американец и даже развел руками, дескать, «сдаюсь». – Речь пойдет о... торговле. Всего лишь о торговле. Да! Меня уполномочили влиятельные люди, крупные американские бизнесмены вступить с красной Россией в переговоры о торговле.

Теперь и Ларсен скупно, но с такой же иронией, произнес:

– Понятно. Бойтесь опоздать?

Никольс никак не отреагировал на ироничное замечание Ларсена и заговорил уже серьезно:

– Большевики доказали и продолжают доказывать, что достаточно сильны, чтобы удерживать в своих руках власть. Если они скажут, что готовы торговать, мы сумеем воздействовать на наше правительство, и с интервенцией будет покончено, – он поднял глаза на Ларсена. – Ну что скажете? Разве мы с вами, левыми социал-демократами, не союзники?

– Пожалуй.

– В таком случае, ваша задача попытаться встретиться с Воровским, или с кем-то другим, кто имеет несомненный авторитет у большевистского правительства, и рассказать о нашем предложении, то есть о наших желаниях и наших возможностях. Лучше всего, если вы встретитесь с Воровским. Он знает вас и серьезно отнесется к вашему сообщению.

– Ну, хорошо: я встретился, рассказал, и мне поверили. Что дальше?

Ларсен только сейчас начал понимать, какую тяжесть взваливал американец на его плечи. Что, если он не сумеет встретиться с Воровским? В конце концов дело даже вовсе не в нем, а в том, насколько привлекательным и своевременным покажется правительству новой России это американское предложение. Ларсен не так уж хорошо и в подробностях знал, что происходит сейчас в красной России и, в частности, в Петрограде. Знал только, что там продолжается жестокая война, Петроград в окружении интервентов. Захотят ли новые власти России именно сейчас вступать в переговоры с представителями страны, которая крайне враждебно к ней относится, к тому же на российской территории находятся ее вооруженные солдаты? Ответ на этот вопрос трудно предугадать, поэтому он обречен отправиться в это рискованное плавание. Даже не совсем так. Он отправился бы в это плавание при любой подвернувшейся ему возможности, потому что на нем висит долг: доставить воюющему Петрограду лекарства и медицинское оборудование. Во всем этом там крайне нуждаются, и уже даже ради одного этого он конечно же рискнул бы.

– Ну, хорошо, – согласился Ларсен. – Предположим, все сложилось удачно, мне там поверили и заинтересовались вашим предложением. Что дальше?

– Дальше? Вы договариваетесь о месте и времени встречи полномочных представителей одной и другой сторон... Лучше, если место встречи будет не в Петрограде.

– Почему? – удивился Ларсен.

Никольс подошел к карте и взмахом руки быстро как бы начертил условную линию от Стокгольма к Финскому заливу. У черты, обозначающей расположение блокирующих сил, рука остановилась, словно споткнулась.

– До сих пор вы доберетесь нормально. А дальше... – теперь рука двинулась по карте медленнее, – ...дальше – Ревель – главная база блокирующего Петроград флота... Териоки – база миноносных катеров... Гогланд – база гидроаэропланов. К тому же вот отсюда, от Ревеля, начинаются минные поля, о которых уже мало кто что-то знает: их ставили в этих водах, начиная с четырнадцатого года, и немцы, и англичане, и даже русские...

– Веселая картинка, скажу я вам, – хмыкнул Ларсен. – И тем не менее я согласен! – он добавил в голосе громкости, чтобы эти его слова услышал Бергстрем, уютно сидящий в уголочке и, похоже, даже дремлющий. – Правда, мне нужен паспорт. У меня его отобрала полиция.

Бергстрем встрепнулся, поднял голову:

– Этот вопрос, считайте, уже решен... К тому же, надеюсь, ни те, ни другие вас не тронут, поскольку вы представляете нейтральную страну.

– Ну да! Это если мы встретимся с теми или другими. – согласился Ларсен. – Но у нас есть вероятность напороться на мину, которая может принадлежать и тем, и другим или даже третьим. Могут, не разобравшись, потопить береговой артиллерией...

– К чему вы нагоняете на меня страх? – вскричал Бергстрем.

– Слишком много советов! Молчали, и продолжайте молчать. Главное, что вас волновало, вы, надеюсь, услышали: мы пойдем в Петроград.

– Вы меня не совсем поняли... – сменив тон, сказал Бергстрем. – Я чуть больше прожил на белом свете и хотел вам дать один дельный совет. Ни днем, ни ночью не спускайте наш шведский флаг. Паспорт, конечно, тоже не лишний, но наш шведский флаг может вас уберечь от многих неприятностей.

– Да! О неприятностях! – вспомнил Никольс. – Министерство иностранных дел Швеции обещало по своим каналам известить Петроград о вашей... как ее... «Эскильстуне». Надеюсь, вас встретят... Я понимаю вас: было бы очень обидно погибнуть от рук большевиков...

9

Получив аванс, Эриксон стал готовиться в это рискованное плавание. Он сидел в своей маленькой каюте и, надев очки, приводил в порядок финансовые счета. Возьмет в руки счет, внимательно его изучит и отложит в сторону, а сверху положит на него нужное количество кредиток. Корявые пальцы с трудом удерживали новенькие скользкие бумажки. Иной счет, который решил пока не оплачивать, откладывал отдельно.

Стопка оплаченных счетов медленно росла, но и тех, неоплаченных, тоже оставалось еще много. За этим однообразным, но приятным занятием он задумался. Почему-то вспомнил вещие слова рулевого Рольфа: «Не печальтесь, звезды так поворачиваются, что следующее наше плавание будет очень удачное. Даже сверх того». Тогда он даже посмеялся над этим пророчеством, а сейчас подумал: «А, может, и в самом деле повезет». Лишь три слова, сказанные тогда Рольфом, он никак не мог расшифровать: почему «Даже сверх того»? Ну да ладно, со временем все прояснится...

Резкий стук отвлек его от своего занятия..

Дверь распахнулась, и в проеме возник невысокий, жилистый человек в довольно грязной одежде, в вязаной шапочке на голове. В руке он держал новенький матросский мешок.

Эриксон хотел было чем-то прикрыть разложенные на крохотном столике счета и деньги, но не нашел ничего подходящего. Взглянув на вошедшего, он фыркнул, словно у него от вони защипало в носу.

– Уголь таскал, – объяснил вошедший. – Мне сказали, от тебя сбежал кочегар?

– Кто сказал? – недружелюбно спросил Эриксон. – Если б вы лопатами так работали, как языками.

– Что? Не нужен кочегар? – спросил вошедший. И, не ожидая ответа, закинул за плечи мешок, повернулся к двери.

– А что еще тебе сказали? – поинтересовался Эриксон.

– Еще сказали: не связывайся с рыжебородым: хуже собаки, – дерзко ответил кочегар. – Портовые собаки штаны порвут, а этот – горло.

Эриксон усмехнулся. Он хорошо знал матросский люд и его незлобивые словечки. Так они утверждают себя. Впрочем, Эриксон и сам был из таких.

– Хорошо заработал на разгрузке? – ядовито спросил капитан. – Гляжу, на мешок хватило: новенький.

Сквозняк шевелил на столе деньги. Кочегар отвел от них глаза.

– Я же не спрашиваю, откуда у тебя деньги? Чистые они или...

Эриксон положил на стол листок-договор:

– Грамотный? Садись и распишись.

Но кочегар не торопился:

– Интересно узнать, чего ты здесь причалил, если плаваешь только по Меларен-озеру?

– Я на этом причале уже пять лет. И плаваю, если тебе это интересно, не только по Меларену.

– Сказали, опять собираешься куда-то? – уже мягче, без прежнего вызова, как бы идя на примирение, спросил кочегар.

Вместо ответа Эриксон положил рядом с договором два кредитных билета. Кочегар, прежде чем их взять, расписался в договоре и лишь после этого небрежно сунул деньги в карман. Затем, приоткрыв дверь, свистнул и громко позвал:

– Иди сюда!

Эриксон стремительно открыл ящик стола, где на его дне блеснул вороненой сталью револьвер. Но в двери увидел довольно привлекательную женщину лет двадцати пяти, может, чуть постарше, и вновь задвинул ящик.

Женщина небрежно шагнула к столу, встала рядом с кочегаром и дерзко посмотрела на капитана. Это была ее самозащита. Капитан в жизни уже навидался всего, и понял: она – из тех, кто может постоять за себя.

Взгляд капитана потеплел, кочегар это заметил.

– Жена? – спросил Эриксон.

– Это уж думайте, как вам хочется. Звать Элен. Она не станет вам в тягость. Может быть коком, может – матросом. Насчет денег не озабочивайтесь: она будет на моем иждивении.

– Так у меня не положено. На моем пароходе все члены команды равны, их работу я оплачиваю. Вот только... – Эриксон слегка замялся, – кубрик на пароходе всего один. Отдыхать придется повахтенно. Поэтому прошу соблюдать внешние приличия. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Есть, капитан! – приложил руку к шапочке кочегар и лишь сейчас широко улыбнулся.

На легкой волне тихо покачивалась «Эскильстуна». Она несколько изменилась, где-то что-то было наспех подкрашено, подшпаклевано – не новая посуда, но все же вид имеет: и в заграничное плавание отправляться не стыдно.

Капитан стоял на причале среди ящиков, мешков и картонных коробок и наблюдал за тем, как по шаткому трапу на «Эскильстуну» тянулась вереница грузчиков со связками новеньких кос, лопат, топоров. Иные – по двое: обхватив с двух сторон, несли ящики, в которых сквозь щели меж досок виднелись лемехи плугов, стальные зубья борон.

Отдельной горкой на причале, почти рядом с трапом, высились ящики с медицинскими эмблемами. Эриксон подошел к ним, постучал ногой по одному из ящиков, и он отозвался стеклянным звоном.

– А тут еще что?

– Это – его, – грузчик указал на одиноко стоящего в стороне Ларсена.

Эриксон прошел к нему и, уже когда оказался почти вплотную, узнал того оратора, который тогда, на митинге, грозил революцией всему миру.

– Не хотел вам мешать, – сказал журналист. – Я Ларсен.

– Ага. Видал вас на митинге: красиво говорили! – не протягивая руки, недружелюбно сказал Эриксон и холодным взглядом смерил этого хилого, худого парня. – Журналист?

– Журналист.

– Пару раз читал вашу газетку. Скандальная. Все норовите укусить правительство за ягодицу.

– Не разделяете наши взгляды? – спросил Ларсен.

– Я их не знаю: из-за работы нет времени их изучать.

– А говорите: были на митинге...

– Случайно.

– Не понравилось?

– А что может понравиться? Кричат, размахивают руками – и никакой пользы. Мне нравится работа. – Эриксон еще больше насупился. – И в связи с этим прошу учесть: пароходом команду я, и только я. Мне плевать на политику и на то, кто меня нанял, плевать, куда вы сунете и как закрепите это свое барахло, плевать, что и кому вы везете в этих своих ящиках!

Сверху за погрузкой и одновременно за гневной беседой капитана и журналиста наблюдал молчаливый, аскетичный рулевой Рольф.

Потные грузчики принялись за ящики Ларсена.

– Пожалуйста, осторожнее, – попросил журналист. – Там стекло... лекарства...

– Постараемся.

И грузчики продолжали тяжело стучать сапогами по доскам узкого трапа.

– Да! И еще... по поводу вашей жизни на пароходе, – снова напомнил о себе капитан.

Ларсен обернулся.

– Вы сами следите за сохранностью своего груза. Мне за него не заплатили, сказали: благотворительный. Груз – ладно, пусть. Но на этом моя благотворительность кончается! Мой пароход не прогулочный, и вы не пассажиры. У меня все работают! В рейсе каждому найдется дело!

– Справедливо, – согласился Ларсен. – Во всяком случае, на меня вы можете рассчитывать.

Ответ журналиста понравился капитану. Его лицо слегка посветлело. А Ларсен неторопливо направился к следующему штабелю ящиков и коробок, где уже собрались грузчики и ждали его указаний.

10

К ночи полностью загрузились, и пароход отдал швартовы. В глубоких сумерках вскоре исчез архипелаг, лишь огни Стокгольма еще долгое время угадывались за их спиной, но и они постепенно истаяли в безлунной темени.

Потом был день, и от горизонта до горизонта легкая накатистая волна. Пароход слегка покачивало.

Эриксон один стоял в рулевой рубке. Когда проскрипела дверь, он скосил глаз. Увидев входящего Ларсена, насупился. Еще когда маклер Бергстен предупредил Эриксона, что с ним в плавание отправится журналист, да еще с благотворительным грузом, он уже тогда заочно невзлюбил его. Эриксон не любил ни политику, ни политиков. Пустопорожнее занятие, а, скорее всего, даже вредное. В любом государстве постепенно все становится подогнанным, все четко работает, а от политиков (в их числе он считал и журналистов) все беды. Это они разлаживают четко работающий государственный механизм, и он начинает сбоить, ломается: начинаются митинги, забастовки, восстания, а то и войны. И еще он невзлюбил Ларсена и за то, что его ему навязали. Хотя и сказали, что именно этому политику, симпатизирующему «красным», он обязан фрахтом, иначе, кто знает, сколько бы еще он ждал подходящей работы. Да и то сказать: может, и не дождался бы. В эти годы, когда кругом гремит война, появились молодые люди, уверенные в себе, не в меру нахальные, на лету перехватывающие все лучшие фрахты, и ему, Эриксону, становится все труднее и труднее за ними угнаться. К таким он отнес и Ларсена. Его роль капитану была не вполне понятна, она его пугала, лишала чувства самостоятельности.

– Ветер свежеет, – войдя в рубку, сказал Ларсен. Ему было явно нехорошо от качки, но он крепился, пытаясь разговором отвлечься от тошноты.

– Ну, свежеет, – мрачно ответил Эриксон. – А вы, похоже, уже успели расстаться с вечерней селедкой?

Ларсен пропустил мимо ушей язвительную реплику.

– Как вы думаете, при такой погоде и скорости, суток за двое дойдем? – мягко, по-доброму спросил Ларсен. Не обращая внимания на недружественное настроение капитана, он попытался наладить с ним отношения.

– За двое суток?.. За двое суток мы и в мирное время не ходили. А что, уже надоело плыть?

– Да нет, ничего. Просто так, из любопытства спросил. Интересно все же, когда придем.

– Когда придем, тогда я вам скажу.

Постояли, помолчали, глядя на море.

– Фонари ночью погасите? – снова спросил Ларсен.

– Тоже из любопытства?

– Кругом война. Опасно все же.

– Кого пугает война, тот должен оставаться у домашней плиты, – ответил Эриксон. – Светло, тепло, как в маленьком раю.

– Я не знаю, что такое рай. Я родился в кузнице, – вдруг совсем немиролюбиво сказал Ларсен. – Когда горел огонь, там было светло и тепло от раскаленных углей. Нет, не тепло, а невыносимо жарко, и еще дымно. И гнилая селедка там тоже была. Поэтому я не знаю, что такое маленький рай, зато хорошо знаю, что такое маленький ад. Я к нему тогда почти привык.

Эриксон медленно, задумчиво разжевывал сигару.

– Я тоже не в дворцах родился, а на городских задворках. Под нашим окном были нужники. Мать кормила нас снятым молоком и горелыми сухарями – покупала их по дешевке в солдатской пекарне. Зубами цеплялся за жизнь. И выстоял, выбился.

Он долго молча смотрел на Ларсена, пытаясь понять его реакцию на сказанное, и затем продолжил:

– Там я научился драться и бить первым. Знаешь, если ты успел ударить первым, тебя уже не одолеть. Я всю жизнь стараюсь бить первым, поэтому и поднакопил жирку. А если б ты знал, сколько раз у меня хотели отнять мое!

– А что у тебя твое?

Капитан одной рукой крепко уперся в деревянную облицовку рубки, как бы подчеркивая, что это его собственность, что он хозяин этого судна и они – одно целое:

– Вот «Эскильстуна»! Она моя! Попробуй, оторви меня от нее! Не получится. Я прирос к ней.

К ним поднялся рулевой. Он лишь молча кивнул и сменил у штурвала капитана. Эриксон так же безмолвно указал ему на компас, на что рулевой в ответ кивнул. Ни слова друг другу, словно глухонемые. И только глаза у рулевого, красные от бессонной ночи, как-то неуютно, пронзительно светились на его худом удлинённом лице.

Капитан ушел. А Ларсен еще какое-то время оставался в рубке. Ему хотелось поговорить с рулевым, получить у него ответы на вопросы, на которые не ответил капитан.

Но рулевой ни разу не повернулся к нему, даже не шевельнулся. «Какой-то странный человек», – подумал Ларсен и тоже ушел.

Он догнал капитана, когда тот подошел к двери своей каюты и уже открыл дверь.

– Пойдите, – попросил его Ларсен и, преодолев приступ кашля, спросил: – Кто он, тот, в рубке? Не выведет ли он нас не туда, куда нам нужно? Ему можно доверять?

– Доверять нельзя никому, – ответил капитан. – Но ему можно.

– Вы давно его знаете?

– Пять лет. Он похоронил жену и сына, они умерли от «испанки». С тех пор он ищет Бога. Но со мной он готов идти хоть к черту, даже если этот черт красный.

И Эриксон резко захлопнул дверь перед Ларсеном.

Они плыли по Балтийскому морю уже около суток. Давно отстали хлопотливые чайки, которые долго сопровождали их от шведских берегов. Тяжелые волны гулко ударили о борт судна.

Но вот как-то сразу, почти вдруг – капитан это почувствовал – начал меняться ветер, и, похоже, даже стали приутихать волны.

В рубку, чтобы сменить капитана, вошел рулевой. Встав у штурвала, он указал куда-то влево, коротко бросил:

– Мыс Ханко.

Но и слева, и справа была все та же чернота ночи, зато в рубку уже не доносились звуки шквального, порывистого ветра, а лишь слышались легкие сквозняковые посвисты, и на волнах постепенно исчезли белые гребни.

– Финский залив, – скорее сам себе ободряюще сказал Эриксон. – Уже веселее. Так бы и идти без неприятностей до самого Петрограда.

Рольф промолчал, его губы беззвучно двигались: он молился.

11

Ларсен лежал на нижней двухъярусной полке в тесной выгородке-каютке, вторая такая же полка здесь уже не помещалась. Эта двухъярусная предназначалась для троих, учитывая, что один должен находиться на вахте. Капитан свою, такую же крохотную, каюту делил с рулевым. Элен большую часть времени проводила на камбузе, он же был и кают-компанией, спала урывками здесь же, иногда в каютке для команды, когда двухъярусную полку кто-то на время освобождал.

Ларсен болел. Помимо застарелого туберкулеза, его одолевала еще и морская болезнь. Он тяжело дышал, ему не хватало воздуха, и он лихорадочными движениями судорожно пытался расстегнуть ворот рубашки, но пальцы не слушались. В мерцающем полусвете, сочащегося из круглого оконца, на его лице заметно проявились недуги. Не справившись с пуговицами, он в отчаянии заложил ладони между колен, как ребенок, которому холодно.

Скрипнула дверь, в каютку вошла Элен. Она поставила на столик стакан с какой-то темной жидкостью и заботливо прикрыла ноги Ларсена одеялом.

– Выпей сразу. Это поможет.

Он с трудом приподнялся на локте.

– Откуда ты знаешь? У тебя тоже было такое? – И виновато ей улыбнулся.

– Было всякое. Мне даже случалось отнимать у кочегара лопату, а то и вставать к штурвалу.

Она помогла ему выпить, поддерживая за затылок. Пил он с трудом, захлебываясь и морщась. Темная жидкость проливалась на его рубаху.

– Это... все... от селедки... – откашлявшись и отдышавшись, попытался объяснить он.

– Какая разница от чего, от качки или от селедки. Полежи немного, и тебе станет лучше, – успокаивающе и ласково сказала она. – Утром проснешься, а ты уже совсем здоровый.

Заметив, что Элен собирается уйти, он протянул к ней руку, попытался удержать. Но его начал сотрясать приступ кашля. Он отвернулся к стене и прижал ко рту платок.

– Уходи... пожалуйста... уйди... – бормотал он.

Она заметила на платке большое темное пятно.

Финский залив и в самом деле встретил их поначалу радушно. Ветер постепенно сменил направление и подул уже тихо, с востока. Волна стала мягкая, накатистая, и нос «Эскильстуны» входил в нее, как нож в масло. Ее раскачивало, словно убаюкивало. Но Эриксон хорошо знал нрав Финского залива и не очень верил в его постоянство. К полудню так и случилось. Ветер снова сменил направление, задул холодный, колющий, северный. И волны стали под стать ветру: тяжело, словно молотом, ударяли в левый борт, обдавая палубу пеной. Пароход кренило вправо, но до следующей девятой волны он упрямо выравнивался. Следующая девятая снова заваливала его.

Созданная для плавания по тихому озеру Меларен, «Эскильстуна» послушно кланялась волнам и кряхтела.

Рольф стоял за штурвалом. Его лицо, слегка подсвеченное приборной лампочкой, за мокрым стеклом рулевой рубки походило на лик святого, плывущего над стихией. Как всегда в такие минуты он бормотал молитву.

В рубку ввалился мокрый встревоженный Эриксон. Страхивая брезентовый плащ, он что-то прокричал рулевому, указывая на компас, но затем схватился за рукоятку телеграфа, поставил ее на «малый ход».

Утром шторм не прекратился. Эриксон, опасаясь за свою посудину, сменил тактику: пошли галсами, поворачиваясь носом то к левому, то к правому борту. Это удлиняло их путь, зато заметно уменьшилась качка.

Теперь был слышен стук двигателя. От ударов волн пароход только время от времени легко содрогался.

В небольшую выгородку, которая совмещала в себе кухню и кают-компанию, вошел бледный Ларсен, тяжело присел на край стула. Было светло, время подходило к полудню, и он, преодолевая болезнь, решился покинуть постель.

Следом за Ларсеном вошел Эриксон, увидев Ларсена, сухо, с легкой издевкой спросил:

– Как спалось, господин редактор? Что снилось?

Ларсен не ответил.

Эриксон сделал вид, что не заметил этого, крикнул за фанерную перегородку, что отделила кухню:

– Дай нам с господином редактором чайку! Погорячее и покрепче!

Элен поставила перед ними поднос. Эриксон из своей фляжки налил в чашки ром: сначала себе, а затем и Ларсену.

– Мы почти не движемся, – сказал Ларсен.

– Чтобы хорошо двигаться, надо вдоволь кормить топки углем, – бросил Эриксон. – Господин редактор никогда не держал в руках лопату? Господин редактор все пишет, объясняет нам, как надо жить. А только я пока не замечаю, чтобы от этой писанины что-то изменилось в лучшую сторону.

Ларсен отодвинул от себя чашку, тем самым выказывая капитану обиду. Но Эриксон, прошедший ночь без сна, был зол на непогоду, на Ларсена и на самого себя, что ввязался в эту авантюру с плаванием в красную Россию, он мрачно продолжил:

– Я везу тебя и твои ящики, а ты отлеживаешься на койке. Что, твоя работа – только марать манжетки? Ну и какая всем нам от этого польза?

Ларсен глубже натянул на пальцы рукав куртки, чтобы скрыть исписанную манжету, но опрокинул чашку. С досадой встал, чтобы уйти.

– Сделал бы хоть половину работы кочегара, чтобы наконец понял, что такое настоящая работа и какая ей... – бросил вслед ему Эриксон и не закончил. Увидел стоящую рядом с ним Элен, которая смотрела вслед Ларсену с очевидной жалостью и сочувствием. Он в сердцах бросил на стол флягу:

– Ты что, спишь с ним? – с гневом спросил он у Элен.

Она молча спокойно смотрела на капитана. И он не выдержал ее взгляда, отвел глаза.

– Если бы не этот газетчик, ты бы так и сидел на берегу без работы, – мягко сказала она.

– Нет, это не я ему! – возмущенно выкрикнул Эриксон. – Это он... он обязан мне и «Эскильстуне»!.. Но ты не ответила: спишь с ним?

Она как и прежде смотрела на него сверху вниз и усмехалась.

– Я не об этом, не о журналисте, я – о кочегаре? – буркнул Эриксон. Он ощутил превосходство Элен и не мог преодолеть его так же, как не мог преодолеть превосходство Ларсена. И от этого он готов был и редактора, и Элен втоптать в грязь. Нашла коса на камень. Уже не сдерживая себя, он выкрикнул: – У тебя от вонючих лап кочегара отпечатки до самого пупа!

Она продолжала усмехаться, понимая, что в этом большом грубом человеке все еще живет неуверенный в себе, страдавший от постоянной борьбы с превратностями жизни, опасавшийся всего окружающего, злой, как волчонок, мальчишка.

– Ты когда-нибудь ночевал на скамейке в парке? – неожиданно спокойно и доверительно мягким голосом спросила она. – Поздней осенью, когда все вокруг в инее? А я спала, и не одну ночь. И человеку, который приютил меня, разделил со мной свой кров и хлеб, я могу позволить отпечатки до пупа. Почему же это оказался не ты, капитан? Ты не замечал, кто спит там, на скамейках, спасаясь от холода, завернувшись в газеты. Вот и газетчик, он тоже спасал меня, потому что я наверняка заворачивалась от холода и в его газеты. А тебе... тебе было не до людей. Ты был слишком занят поисками фрахта для своей старой посуды.

Капитан сник. Кочегар, подходя к выгородке, именуемой кают-компанией, услышал последние слова Элен. И, едва войдя, он торопливо перевел взгляд с капитана на Элен, и понял, что тут происходит что-то серьезное. Не понимая сути, он резко, с вызовом, спросил капитана:

– Я до предела раскочегарил топку, почему ты держишь посудину на малом ходу?

– Потому, что идем галсами. Не хочу подставлять волне бока: может разнести нас в щепки. Финский залив – слишком серьезное корыто для нашей посуды, – спокойно ответил капитан, понимая, что кочегар интересуется вовсе не это.

– Финский залив? Теперь понятно! – кочегар обернулся к Элен. – Ты слышишь? Оказывается, мы плывем на восток. Как раз туда, где сто чертей передрались из-за большого барыша. Там не просто шторм, там похуже шторма.

– Что тебе не нравится? – взорвался Эриксон. – Если у тебя есть матросский билет, только скажи, я тебя тут же высажу к тем ста чертям на берег! Хочешь, к финнам, хочешь – к эстляндцам. Они там все одной породы!

– Был бы у меня матросский билет, никогда бы не связался с таким людоедом, как ты!

– Ну, связался же! Так вкалывай! И не лезь в мои дела, а я не полезу в твои. Мне плевать, кто ты и как оказался у меня на пароходе. Хоть бы ты даже и из тюрьмы сбежал!

Последние слова Эриксон произнес, пристально глядя на Элен.

– Твоя власть, капитан! Принял к сведению, – зло и значительно сказал кочегар. – Но и ты не забудь...

– Что не забыть?

– А все. И этот разговор тоже.

– Угрожаешь?

– Ну что ты, капитан! Разве можно? Кто ты, и кто я...

Лицо кочегара вдруг преобразилось, на нем обозначилась какая-то нагловатая, скверная улыбка. Он извлек из кармана замусоленную колоду карт, ловко ее перетасовал.

– Может, сыграем, капитан? На счастье! Посмотрим, кто первый вытянет червовую даму?

Эриксон резко отвернулся и вышел из каюты, с силой громко хлопнув дверью.

Ларсен кидал в топку уголь. Его лицо лоснилось от пота. Остановился, оперся на лопату. Передохнул. Смахнул тряпицей с лица пот. И снова, поплевав на ладони, принялся за работу. Неумело подобрал уголь, понес его к топке, забросил и снова вернулся. И так много раз: три шага к углю, три шага к топке, вместо того, чтобы подгрести его поближе к прожорливому жерлу. Усталая тень Ларсена неторопливо двигалась по стене.

Капитан вошел в кочегарку, долго и незаметно, стоя в проеме двери, наблюдал за бестолковой работой журналиста. Дождался, когда тот вновь остановился, чтобы вытереть с лица пот и отдышаться. И лишь после этого выступил из сумерек в полосу неровного света от пламени горящего угля.

– Ну, вот! Теперь ты будешь знать, какая у них жизнь.

– У кого? – хрипло спросил Ларсен.

– У рабочих. Ты ведь в своей газетке защищаешь рабочих, я правильно понимаю? Даже как-то читал, хочешь, чтобы они больше работали языками, а их бы заменили на заводах и фабриках автоматы. Но такого никогда не было и не будет! И знаешь почему? Автомат стоит больших денег, а рабочий не стоит ничего. Автомат еще не выполнил никакой работы, а я уже авансом заплатил большие деньги за его будущую работу. Выгодно ли это мне? Конечно же нет. Что касается рабочего, он приходит ко мне тогда, когда он мне нужен. И я плачу ему ровно столько, сколько стоит его работа. Я покупаю у него его работу, потому что ему нужны деньги. Их у него нет, но он в них нуждается. А у меня они есть. И рабочий делает мне за мои деньги то, что мне необходимо. Все очень просто: я покупаю у рабочего его труд. Понимаешь? На этом стоит мир. Ничего другого никто не придумал.

Они стояли друг против друга, топка гудела и обдавала их жаром.

– Ты думаешь, за твои гроши они продают тебе только свою работу? – громче гудения топки выкрикнул Ларсен. – А тело, руки, а здоровье? А их мысли, разве ты не хочешь и их купить?

И он стал снова, неумело, но яростно носить и кидать уголь в пылающую топку. Задышался, давился кашлем, ноги его дрожали от усталости, но он безостановочно метался по кочегарке и швырял, швырял в прожорливую пасть топки уголь. Он не хотел и не имел права остановиться, чтобы отдышаться, не хотел, чтобы Эриксон увидел его физическую слабость. При этом он выкрикивал:

– Но запомните, придет время, и они скажут: вчера нашей была...

Эриксон понял, что это истерика, и попытался вырвать у него лопату, но Ларсен не выпускал ее из своих рук, продолжал:

– ...вчера нашей была только лопата, а сегодня мы хотим, чтобы все было наше!

Эриксон понял, что журналиста так не остановить. Огляделся по сторонам, но ничего подходящего для этого не увидел. Тогда он тяжело, изо всей силы ударил кулаком по железной стенке кочегарки. И этот неожиданный грохот остановил Ларсена.

Эриксон стал тереть кулак о куртку, ему было больно, но он выдал из себя не стон, а смех:

– Идиот! Я с радостью поддержу их! Я скажу им: забирайте у них все!

– У них? – недоуменно переспросил Ларсен. – У кого это: «у них»?

– У тех, кто высасывает из нас все соки... и из меня тоже... И поделом им, этим зажавшимся, самодовольным, чистеньким. Ты перепутал адрес, журналист! Я такой же рабочий, мой труд они тоже покупают. Они покупают нас, а сами там, на берегу...

Он снова с силой ударил кулаком по стене, и железный корпус ответил ему низким гулом.

– Вот только к моему суденышку не прикасайтесь! Я его выстрадал потом и кровью! Это – моя лопата! А прикаснетесь... – капитан погрозил Ларсену кулаком, – ...буду драться! До смерти! – и продолжал с ненавистью смотреть на него, словно это он, Ларсен, вознамерился отобрать у него его любимицу, его собственность.

Грязный пот стекал по лицу Ларсена. Боясь от усталости упасть при Эриксоне, он снова оперся на черенок лопаты. Открытым ртом стал жадно хватать дымный горячий воздух. Одышка перешла в душливый кашель.

Эриксон, стоя напротив Ларсена, все еще яростно смотрел на него и тоже тяжело дышал. Эта схватка с журналистом и для него не прошла бесследно. Но постепенно его лицо разгладилось, взгляд потеплел. Он протянул руку и аккуратно взял у журналиста лопату.

– Иди в каюту, – потеплевшим голосом и с сочувствием сказал он. – У каждого на земле есть свое предназначение. Эта работа не для тебя. Иди!

12

Прошел еще один день плавания...

Сгустились над морем сумерки. Ход судна был едва заметен, волна невелика. Она почти беззвучно плескалась о борта. И в эту мирную, уютную тишину стали постепенно вплетаться странные звуки... грустные, отрешенные...

На палубу вышла Элен, запахнутая в серое казенное одеяло, постояла у леера, ограждающего палубу, поискала глазами источник музыки. И увидела рулевого Рольфа. Сидя на корточках у наружной стенки рулевой рубки, он что-то выводил на губной гармонике. Его мысли, а стало быть, и музыка бродили где-то далеко отсюда.

Задумчив был и стоящий у штурвала капитан. Он тоже, как и рулевой, как и Элен, поддался общей тихой минуте.

О чем думали они? О прожитом и пережитом, о тщетности суеты, о неведомом будущем?

Поднялся на палубу и Ларсен, но ушел на нос судна, туда, где движение было ощутимее всего.

Куда влечет их утлый кораблик? Что впереди? У каждого свои мысли, свои заботы и свое беспокойство.

Лишь один человек был деятелен в эти минуты, обеспечивая покой другим. Кочегар ловко, профессионально орудовал у топки. Гул огня, ритмичный и мощный рокот двигателя заглушали мелодию.

Наконец рулевой поднялся с корточек, вытер о рукав гармонику и сунул ее в карман. Стало совсем тихо. Лишь привычный клекот волн, бьющихся о борта «Эскильстуны», продол-

жал доноситься до рубки капитана. И он словно очнулся, решительно перевел рукоять телеграфа на «полный ход».

Заработали мощные шатуны, сильнее и энергичнее застучала машина. В открытое окно рубки ворвался ветер, стал листать страницы вахтенного журнала.

Ларсен, стоящий на носу, с удовлетворением отметил, что пароход двинулся быстрее. Он поднялся на мостик, остановился у открытого окна рубки.

– Наконец-то... – со вздохом облегчения сказал капитану. – Быстрее наконец-то пошли, говорю.

Капитан мрачно усмехнулся.

– Торопишься? Тебе надо быстрее? – спросил он и, не дождавшись ответа, продолжил сквозь зубы: – Это мне, редактор, надо быстрее. Не туда, а оттуда быстрее. Потому что там, как в аду: много огня. Можно сгореть. А твои фантазии, как я понимаю, так далеко не простираются. Ты до сих пор не понял, что это не морская прогулка. Не-ет! Речь идет о жизни. Твоей, моей... – он положил вторую руку на штурвал, – ...и ее.

Ветер все сильнее листал журнал.

– Фантазии, господин редактор, всегда розовые, а жизнь – она суровее... И преобладают в ней, в большинстве своем, серые да черные тона. Так вот!

Осторожно и неслышно в рубку вошел рулевой. Эриксон посторонился, передал ему штурвал.

– Пока держи строго на восток. И, пожалуйста, внимательнее. Здесь мели. А предупреждающие бакены могли и убрать.

Рулевой взглянул на компас, перевел взгляд на лоцманскую карту и затем вопрошающе взглянул на капитана.

– Я смотрел, – ответил капитан рулевому на его немой, но четкий вопрос. – Будем надеяться на твое пророчество и наше везение. А «Эскильстуна» – она еще ничего, она еще плачет.

Эриксон глянул в окно, Ларсен не уходил, чего-то ждал. Темень сгустилась, и его лицо едва угадывалось. Капитан сказал рулевому, но так, чтобы это слышал и журналист:

– А вот господин редактор хочет побыстрее. Ему не терпится накормить лекарствами красных. Он на них сильно потратился... Лучше бы он потратился на меня, когда я месяцами простаивал без фрахта, и даже не было денег, чтобы нанять команду... Или на твоих, когда...

И Эриксон на полуслове смолк: он увидел как помрачнело лицо рулевого. Тот даже не шевельнулся, продолжал все также неподвижно смотреть вперед, в темень.

Капитан вышел из рубки, молча остановился возле Ларсена. Журналист тоже всматривался в накрывшую «Эскильстуну» ночь. Капитан отметил, что он любит усыпавшими небо звездами.

– Те огоньки, что вверху, нам не опасны. Бояться надо тех, что здесь, внизу, – сказал капитан, раскурил сигару, и уже более мягким голосом добавил: – Сделай одолжение, редактор! Спустись вниз и попроси задраить все иллюминаторы. Чтобы нигде ни одного огонька. – И объяснил: – Похоже, мы миновали остров Лавансари. Тут уже можно всего ожидать.

В эту ночь Эриксон не ложился спать. Погода не менялась, легкая волна по-прежнему раскачивала «Эскильстуну», и она жалобно вздыхала и поскрипывала в глухой полуночной темноте. Из трубы иногда вылетали искры, и только они свидетельствовали, что там, внизу, кочегар, малорослый и жилистый, крепко стоя на своих кривых ногах, лихорадочно бросает лопату за лопатой в топку уголь.

Капитан поднялся в рубку. Рольф вопросительно взглянул на него: еще не время перемены. Капитан молча махнул рукой: оставайся на месте.

Молчали. Напряженно всматривались в темноту набегающей на «Эскильстуну» ночи. Время от времени капитан поглядывал на часы. И, наконец, сказал:

– Самая полночь. Пожалуй, теперь забирай еще правее. Не оказаться бы нам к утру на самом виду у острова Гохланд. Меня предупреждали, можно напороться на английские крейсера. Там у них база.

Рулевой, вращая штурвал, обратился к капитану лицом, указывая глазами вправо:

– А у тех, у красных, как?

– Похоже, и у них тоже змеиный клубок... Полагаю, они все там еще до сих пор не разобрались, кому чью сиську сосать. Во всяком случае, у финских берегов светиться не будем. Они точно воюют с красными...

Вдруг неожиданно слева возник световой луч прожектора и заскользил по морю. Капитан схватил рулевого за плечо, но тот только кивнул: вижу. И теперь они оба неотрывно и напряженно следили за лучом. И когда он скользнул мимо них, даже инстинктивно пригнулись. Их не заметили. Прожектор был далеко и вскоре погас. Они посмотрели друг на друга.

– Похоже, мы втягиваемся в самое пекло, – сказал капитан.

Рулевой ничего не ответил.

Перед рассветом выкатилась луна. Она была полная, но не светила: пряталась в неторопливо бегущих облаках. Лишь иногда в их прорывах она выглядывала на короткое время, и тогда они видели яркие звезды и неторопливо набегающие на «Эскильстуну» спокойные волны.

Неожиданно Эриксон бросился к штурвалу и, оттолкнув рулевого, начал лихорадочно его вращать, резко отворачивая судно в сторону.

– Что случилось? – с некоторым испугом спросил рулевой.

– Вон там... Смотри, вон она!..

Впереди и немного слева от «Эскильстуны» рулевой заметил в ленивых волнах что-то черное. Тихо покачиваясь, оно медленно приближалось.

– Что это?

Капитан не ответил. Он судорожно вращал штурвал, теперь уже в обратную сторону. «Эскильстуна» сделала небольшой полукруг, и черная рогатая мина совсем близко и медленно проплыла мимо правого борта парохода.

– Не понял? Мина!

Рулевой только сейчас разобрался, что произошло. Чистый случай, и Бог или капитан даровал им еще немного жизни. И он стал шептать молитву и истово креститься.

Эриксон схватил рулевого за руки и подтолкнул его к штурвалу.

– Это не Божье дело, а наше! – громко, но мягко сказал он. – Хотя Он, конечно, и ведает всем этим, но кое-что оставляет и для нас.

Говорил капитан, как доктор с больным. К своему молчаливому соратнику он относился с дружественным и покровительственным расположением.

Нервно раскуривая сигару, Эриксон стал вслух размышлять:

– Откуда она взялась? А если б не выглянула луна?.. – И, склонившись к карте, долго нависал над нею, обдавая себя сигарным дымом. Затем распрямился и решительно сказал: – Знаешь что, Рольф... Давай пойдем еще поближе к эстляндскому берегу.

– Но там мели! – сказал пришедший в себя рулевой.

– У мелей нет на лбу рогов, а в брюхе динамита!

Внезапно тяжелая бурунная волна с силой ударила в левый борт «Эскильстуны». Эриксон едва не свалился от резкого крена. Успел схватиться за дверь рубки, и она, распахнувшись, помогла ему удержаться. Обернулся на накрывший их рокот и шум и увидел, как что-то черное, громадное, несущее на себе десятки огоньков, промелькнуло мимо и уже скрывалось за их кормой.

– Смотри! Впереди! – прокричал рулевой, отчаянно вращая штурвал.

И Эриксон увидел: из темноты прямо на них надвигалось еще одно такое же черное, светящееся огоньками, чудовище. Он бросился в рубку, подскочил к приборной панели и ладонью закрыл слабую лампочку подсветки.

Черная тень эсминца проплыла от них в нескольких десятках метров. Вероятно, с корабля не заметили «Эскильстуну». А может быть, и заметили, но куда-то торопились, и небольшое торговое корыто не представляло для эсминца никакого интереса. А что они встретились с двумя эсминцами, Эриксон определил по их контурам. Но чьи они, разве в темноте поймешь. Прогремли своими мощными двигателями и, как призраки, растаяли в ночи. Были и нет.

Стало совсем тихо. Лишь неугомонное море мерно постукивало своими волнами в паровую обшивку. А спустя какое-то время где-то далеко впереди них заиграли далекие зарницы и стал погромыхивать гром...

Только сейчас Эриксон заметил стоящего возле рубки Ларсена, а чуть поодаль и Элен. Журналист встретился глазами с капитаном, обеспокоенно спросил:

– Кто это был? Англичане?

– Очень спешили. Не успели доложиться! – все еще пребывая в страхе от только что происшедшего, тем не менее язвительно ответил Эриксон. Но вопрос был задан, он и сам искал ответ, хотя, знай он его, что бы это им дало? И все же он ответил, но уже мягче, добрее: – А, может, французы? Или эти... как они их называют... белофинны. Белоэстляндцы? Какая нам разница, не заметили – и спасибо.

– Но ты слышишь? – Ларсен указал рукой вперед, продолжая прислушиваться. – Где-то там гремит.

– Похоже, гроза.

– Это тебе так хочется, капитан. Но, скорее всего, это похоже на то, что там, куда мы идем, бьют пушки. Там идет бой! – И, глядя в лицо капитана, он продолжил: – Ты, я смотрю, боишься? А ведь это они стерегут покой твоего капитализма от красных!

– Ну, ты! – обозлился Эриксон. Он вдруг схватил Ларсена за плечи, втащил в рубку и, оттолкнув рулевого, поставил его к штурвалу: – Ты все на свете знаешь, все умеешь... Давай, управляй! – прорычал он. – Веди! Ты ведь знаешь правильный путь!

– Ну что ты! Зачем это?.. – попытался миролюбиво сопротивляться Ларсен. – Я не могу... Я никогда не управлял...

– А управлять государством? Я так понял, управлять государством ты можешь! Там, на митинге, я слышал, ты кричал: «Империалистическая война!.. Долой капиталистов!.. За мир!.. Власть в руки рабочих!..» А после Версальского мира я остался без работы, без фрагтов... и тысячи матросов без хлеба! Что, это и есть твой долгожданный мир? Ты всем все разъясняешь, всех учишь! Так попробуй для начала: проведи мое судно в ваш социализм. Ты ведь знаешь туда дорогу!.. – И он шагнул из рубки, но, уже стоя в двери, добавил: – А не будет получаться, попроси помощи у рулевого. У него есть с кем посоветоваться. Ну и ты посоветуйся – со своим Карлом Марксом. Может, вместе определите верный курс.

И, сердито хлопнув дверью, он спустился вниз.

Рулевой, до сих пор молча наблюдавший эту сцену, вздохнул и отобрал у Ларсена штурвал.

– Иди, отдыхай, господин редактор, – сказал он. – И не гневайся на капитана. Он добрый, только жизнь у него злая. И не сомневайся, приплывем куда надо, если судьба.

Впереди по курсу «Эскильстуны» небо посветлело. Занимался рассвет.

Элен услышала скрип, подняла голову. Слабо осветился прямоугольник двери, и в каюту, тяжело ступая, вошел Эриксон.

– Что тебе надо? – настороженно спросила Элен.

– Да вот... решил посмотреть, как тебе тут?

– Мне – хорошо, – она неожиданно откинула одеяло. – Но на всякий случай я не снимаю одежду.

– Слышишь, гремят пушки, мы уже в зоне блокады. Но ты это... – он помолчал, отыскивая какие-то убедительные слова утешения, но нашел только одно, расхожее: – Словом, не бойся.

– А скажи, капитан, как пристойнее умирать на море? – с легкой усмешкой спросила она. – Голой или одетой?

Эриксон покопался в кармане.

– Вот тебе ключи. Если хочешь, можешь запереться. До прихода в Петроград тебя вряд ли кто потревожит.

Он положил ключи рядом с койкой и медленно вышел. Элен осталась сидеть на кровати и продолжала чуть приметно улыбаться.

Капитан снова поднялся на палубу и посмотрел на рубку. Ларсена в ней не было. У штурвала привычно стоял Рольф, губы его двигались, и он изредка воздевал глаза вверх.

Подойдя к рубке, Эриксон увидел и Ларсена. Несостоявшийся рулевой сидел на носу парохода. Вокруг, куда ни глянь, простиралось безлюдное море. Восходящее солнце золотило гребни волн. Вполне идиллическая картина, если бы время от времени впереди не раздавались оружейные раскаты. Они гремели уже совсем недалеко.

13

Весь день они шли, как можно ближе прижимаясь к скалистому правому берегу. «Эскильстуна», окрашенная в не слишком яркие цвета, почти сливалась с серыми и коричневыми скалами. На середине залива она была бы видна, как комар на лысине. С того или другого берега их могли высмотреть и, неровен час, на всякий случай послать в порядке приветствия пару снарядов. Такое время: прежде стреляют, а потом уже разбираются.

Стоя за штурвалом, штурман истово молился:

– Направь, Господи, на верный путь... Отврати от нас все неприятности... – горячно шептал он.

Увидев вошедшего капитана, смолк.

– Почему сбавил до «малого»?

– Незнакомый берег. На малой скорости наша фелюга вряд ли вызовет какие-то подозрения, – отчитался рулевой.

– Ладно, – согласился капитан и, уже уходя, добавил: – В сумерках выходи на открытую воду. – И ушел. Спустился в столовую.

Крохотная каюта-столовая была слабо освещена, круглые оконца были занавешены мешковиной.

Ларсен сидел, положив перед собой часы: подходило время ему спускаться в кочегарку. Едва стал себя лучше чувствовать, он отказался от дарованной капитаном привилегии и стал по мере сил помогать кочегару.

Допив кофе, он перевернул чашку, а недоеденным бутербродом с тонким слоем масла стал смазывать ладони с покрывшими их волдырями. Это не ускользнуло от взгляда капитана. Он подсел к Ларсену, поставил на стол флягу. Был он явно под хмельком: лечился от страха.

– Я же тебе говорил: не твое это дело – лопата.

– А куда девать совесть? – спросил Ларсен.

Эриксон промолчал и лишь после долгой паузы улыбнулся, добавил:

– Еще сутки-двое в кочегарке, и они там поверят в твое пролетарское происхождение... Видишь ли, им наплевать на слова. Мне рассказывали, они прежде всего смотрят на ладони. Есть мозоли – пролетарий. Нет – веревку на шею, – и Эриксон положил на стол перед Ларсеном свои натруженные руки.

– Это когда вы ходили в Лулео?

– Они были кровавые, почти во всю ладонь. Сейчас уже почти сошло.

– Значит, они смотрят не только на ладони, – сказал Ларсен. – Наверное, проверяют и на совесть.

Эриксон налил в свою чашку из фляги, подумав, налил и Ларсену. У него было явное желание продолжить недавний разговор. Оттого ли, что уже принял свою порцию рома или от многосуточного нервного напряжения.

– Я вот что скажу тебе, редактор, – он наклонился к Ларсену. – Веришь – нет, мои родители не из богатых. Трудно выбивались из нищеты. Когда я был мальчишкой, у меня была английская болезнь. Знаешь, что это? Тоший, спина согнута, живот большой, а ноги, как спички. Но я на них выстоял. Совесть, душа – это для рулевого. А у меня тут, где у него душа, крепкий кусок мяса, – он выпрямился и ударил себя кулаком в грудь. – И он работает, гонит по жилам кровь. И все! А совесть, душа – это химера. В какой-то умной книге я вычитал, что мир материальный. Если это так, покажи мне душу или там совесть. Я хочу их потрогать, подержать в руках... Когда лезешь на гору, руки в кровь, силы на исходе. О чем в это время думаешь? Да ни о чем. Есть цель – вершина. И ни о чем больше! Мне одному приходилось вставать на ноги. Я все это знаю.

Ларсен улыбнулся. Он повидал много людей: хоть и книжный червь, но понимал, что это у Эриксона поза, бравада. Только так он думает не всегда, лишь в минуты отчаяния. И в это плавание он тоже пошел от отчаяния. И впереди у него пока ничего, вершины не видно. Но он карабкается, хотя руки в кровь и силы уже на исходе.

– Что будешь делать, когда придем туда? – спросил Ларсен.

– Напьюсь. Вдребезги. Как положено.

– А потом?

– Потом? – капитан задумался. – Потом буду искать груз на обратный путь. Я не камикадзе, чтобы рисковать своей жизнью во имя чужой благодати. Вот так и запиши на своей манжетке, господин редактор!

Ларсену надоели частые упоминания о его манжетке. Он снял ее с руки и распрямил на столе. На ней было что-то нарисовано: какие-то круги, извилистые линии, стрелки. Это было похоже на небольшой кусок карты. Если присмотреться, можно узнать очертания Финского залива ближе к Петрограду, кружочком отмечен и сам Петроград. А вокруг него и вдоль берегов залива мелкие схематичные знаки дредноутов, подводных лодок, и много разных крючковатых стрелок, и все они направлены на Петроград.

– Это позволили мне нарисовать еще там, в Стокгольме. Смотри! Вот отсюда прет Юденич, его поддерживает эстляндская буржуазия и англичане... Отсюда – Маннергейм и немецкие наемники... Вот здесь и здесь их флот...

Эриксон ткнул пальцем в манжетку:

– А это что здесь?

– Кохтла-Ярве... А это Карголово, – объяснил Ларсен.

– А мы сейчас примерно вот здесь. Кохтла-Ярве мы еще ночью проскочили... Похоже, до Петрограда уже меньше суток пути. Если, конечно, не придется «малым ходом».

– За эти дни всякое могло случиться. Придем в Петроград, а там уже белые, – охладил Эриксона Ларсен.

– А мне какая разница? Лишь бы не потопили до Петрограда, – бодро сказал Эриксон. – А там – продам свой груз, всякие там бороны, плуги. Они хоть белым, хоть красным пригодятся.

Ты – свои лекарства. Тоже нужное людям. А что! Все они из кости и мяса, все когда-никогда хворают...

При этом он смотрел на Ларсена и чувствовал, что его размышления для него оскорбительны.

– Слушай, они устроили революцию. Ну и ладно, пусть она будет у них, если она им нравится. Я тебе даже так скажу: если подумать, так мне вся эта заваруха у них даже нравится. Будет для всех стран вроде репетиции. Посмотрим, может, и нам захочется. А пока пусть они остаются у себя дома со своей революцией и не лезут в наш дом.

– А разве, когда рушится плотина, вода уходит в песок? – спросил Ларсен. – Революция сама выбирает, куда ей прийти. А хоть бы и в наш дом.

Эриксон надолго смолк, не находя ответа, нахмурился. В наступившей тишине дробно постукивали поршни двигателя, бросая пароходик в мелкую дрожь.

– Так говоришь: совесть? – вдруг язвительно напомнил Эриксон о начале их разговора. – Тогда, вместо нашей пустой болтовни, лучше спускайся в кочегарку. Больше пользы. А совесть... она тоже химера. Ее руками не потрогаешь. И заberi свою манжетку, – он смахнул ее со стола. Она упала на пол картой-схемой вверх.

А внизу, в удушливой копотии топки, кочегар отдал Ларсену лопату и концом грязного шарфа, который постоянно висел на его шее, вытер потное лицо. Присев на ящик, передыхая, стал наблюдать, как неловко и неумело, но зато быстро и старательно Ларсен черпал, носил и забрасывал в топку уголь.

– Э-э, так не нужно! – остановил Ларсена кочегар и, отобрав у него лопату, начал от большой кучи подгребать уголь почти к самой топке и лишь затем стал размеренно, с передышками метать уголь в ее жерло. Возвращая Ларсену лопату, может быть, впервые за все время плаванья он ему улыбнулся:

– Тебя кто, капитан учил так отмахивать? Не нужно! Видел, как это делаю я?.. Рабочий должен научиться беречь силы. А то может так получиться, что, кроме крепких слов и слабых сил, у нас ничего не останется... ну, когда они нам понадобятся. – И, ободряюще хлопнув Ларсена по спине, он покинул кочегарку.

14

После того как миновали Нарвскую губу и Усть-Лугу, Финский залив стал сужаться, и уже даже без бинокля можно было видеть оба берега одновременно. Это почувствовала и «Эскильстуна». Волна здесь становилась уже не такой крутой и более дробно стучала в борта. От этого она не раскачивалась, а лишь мелко дрожала.

Кочегар вошел в каюту-столовую, протиснулся мимо капитана к столу.

– Зачерпни воды и хоть с рук смой свою вонь, – брезгливо сказал Эриксон. – Прими человеческий вид.

Не обращая внимания на слова капитана, кочегар повернулся к Элен. Та поставила перед ним чашку кофе и осталась стоять возле него, в нерешительности ожидая, во что выльется гнев капитана.

Кочегар невозмутимо отхлебнул из чашки, остальное содержимое вылил себе на руки и старательно их помыл. Вытерев об штаны, с некоторым вызовом положил их перед Эриксоном на стол ладонями вверх.

– Ну и чем тут так воняет, что у тебя нутро выворачивается?

– Дерьмом, вот чем, – сплюнул на пол капитан.

Кочегар сощурился.

– Есть такая грязь, которую ничем не отмоешь, сколько не три. Разве тебе не приходилось от голода в чужих мусорниках рыться? Почти уверен: приходилось.

Эриксон понял: кочегар от обиды взбунтовался. А он из тех парней, которые нелегко ее прощают и, похоже, все это вряд ли кончится добром. Он молча встал, перевернув чашку с недопитым кофе, давая тем самым Элен знать, что ему больше ничего не нужно, и решительно вышел.

– Мы одной крови, парень! – вслед ему крикнул кочегар. – Только ты на ступеньку выше. Но не забывай, что она очень шаткая!

Эриксон сменил рулевого и в одиночестве стоял на мостике. Придерживая одной рукой штурвал, курил сигару. Стычка с кочегаром не особенно его расстроила: до возвращения в Стокгольм он никуда не денется, и его придется терпеть. А там... там он навсегда исчезнет с его глаз. Придут другие, не такие гонимые, более покладистые. Жизнь не только все, но и всех расставляет на свои места.

«Эскильстуна» бежала на полном ходу. И, несмотря на то, что до Петрограда уже оставалось совсем немного, рукой подать, оружейная канонада не усиливалась, а, наоборот, выстрелы становились все реже и раздавались они теперь уже далеко позади. Это и успокаивало, но и тревожило Эриксона.

«Что если и в самом деле: все наши усилия пойдут насмарку? Придем в Петроград, а он уже у этих... у белогвардейцев. И что тогда? Полная неизвестность. Ради чего шли? С кем разговаривать?» – размышлял он.

На мостик поднялась Элен. Она принесла горячий чайник, засунутый в шерстяной чулок.

– Прохладно. А ты так и не допил свой кофе, – мягко сказала она, пытаясь хоть как-то загладить некоторое напряжение от их недавней стычки с кочегаром. – Согрейся!

Он это понял, но не подал вида:

– Когда я на мостике, на моем судне меня называют капитаном!

Элен чуть заметно улыбнулась, налила в чашку кофе, молча подала ему. Отхлебывая кофе, телом придерживая штурвал, он глядел мимо нее на море и тихо, но ворчливо сказал:

– Ты больше не спи с ним. Если ты платила ему за хлеб и тепло, то – хватит, рассчиталась.

Всякий раз, между несколькими глотками, она заботливо принимала из его рук чашку и держала до тех пор, пока он снова не потянется за ней. Его голос потеплел, вероятно, все же не от кофе.

– Ты-то сама из Стокгольма?

Она отрицательно покачала головой.

– С чего же это вдруг тебя занесло на скамейку в стокгольмский парк?

Вечерело. Солнце быстро окунулось в море, и в рубке уже лишь смутно виднелось ее лицо.

– Я стояла в очереди за хлебом. А когда она уже подошла, прямо передо мной вывесили: «Хлеба нет».

– Это всегда так: для кого-то всегда есть, а кому-то всегда недостает, – согласился Эриксон.

– Ну да! У кого есть деньги, у того никогда никаких проблем. Для таких они оставляют. Я тогда уже сразу же поняла, что они врут, схватила камень и швырнула его им в окно. После этого убежала из дому, чтоб не нашли. Вот и оказалась в Стокгольме в парке.

– Я тебя понимаю: молода, горяча. Но это все равно неправильно. Я как-то в газетке нашего пассажира-редактора прочитал, что камень, это... как там у него?... оружие пролетариата. А, по-моему, камень – оружие разбойника. И то это не совсем верно. Камень, он камень и есть – мертвый, жесткий, тяжелый. Все зависит от того, кто возьмет его в руки: разбойник или печник, каменщик. Разбойник человека убьет, а каменщик дом сложит. Уясняешь?

– Ну а если они так, прямо перед носом: «Хлеба нет»? А вся очередь знает, что он есть, – не согласилась Элен.

– А ты перетерпи. Ну, нет сегодня – завтра будет. Не гневайся. Гнев – плохой советчик рассудку.

– Но они же нагло ввали. Скажи им это словами – не поймут. Потому что нет совести.

– Тут ты тоже не совсем права. Совесть у каждого от рождения есть. Только у одного она, как маковое зернышко, ну, не выросла. Жил в зависти, несправедливости, вот она и не росла. Пищи ей не хватало, доброты, сердечности. А у другого в полную грудь выросла. Ты подумай об этом. Вот раз ты о совести вспомнила, значит, у тебя ее в достатке. И у меня, надеюсь, есть. В жизни много всякого случалось, но за камнем рука ни разу не потянулась. Соблюдал законы... Я просто шел и шел...

Видимо, обида жгла душу Эриксона: кочегар задел его за самое сокровенное, святое.

– Устала слушать? «Разговорился старик»...

– Нет, отчего же! Я никогда про такое не думала, – созналась Элен. – Вот про зависть. Что, она тоже в каждом человеке живет?

– Обязательно. Ее достатком, способностями надо подкармливать. Тогда она не сильно высовывается наружу, молчит. – Он на какое-то время задумался и продолжил: – Я вот что вспомнил. Надо бы выбросить из головы, как окурки из пепельницы. А не выбрасывается. Был у меня приятель. Больше того, думал, что друг. Высокое слово! С малых лет дружили, один хлеб пополам делили. Но однажды он плюнул мне в душу. Просто так плюнул, без причины... Нет, не так, – поправился он. – Это я так думал, что без причины. Но она у него была. Много лет он мне завидовал, что я упрямо иду по земле. А она неровная: споткнусь, упаду, поднимусь и снова иду. А он сибаритствовал, развлекался с дамами, сладко ел, сладко пил. Я по кроне, по кроне... кочегаром плавал, потом рулевым. Стянулся на «Эскильстуну». Иду. А он семью на мужские шалости променял. Вроде и дети есть, только он от них вдали. Я помогал ему, как мог помогал. А он принимал это как должное. Все пытался сам вровень со мной встать. Не получалось. Постепенно и накопилась она у него в душе эта зараза – зависть. Не скажу, что был он неспособный. У меня дела идут, а он все больше при мне. За что сам не возьмется, не получается. Все куда-то не в ту сторону выворачивается, все в жизни мимо него проходит. Вот он и... как бы это помягче сказать?... вымыл моим кофе свои руки. Нет, даже хуже! Плюнул в душу!

– Но почему же Бог его не наказал? – искренне спросила Элен.

Эриксон едва заметно устало улыбнулся.

– Возможно, Господь не снисходит до таких малостей? А, быть может, Он с самого начала не положил в его душу те самые зернышки. Вот он и живет, и даже вполне себе комфортно. Извини, он меня больше нисколько не интересует. Вот и времени с тех пор уже немало прошло. И обиды на него вроде бы нет. Просто случилось и случилось. Еще один урок жизни. Это как бывает: проплывет мимо парохода старая тухлявая, никому уже не нужная лодка. Проплыла и забылась. А ведь она когда-то была кому-то нужна, на ней прошел чей-то кусок жизни... Вот и вся сказка. Интересно?

– Даже очень.

– А зачем я тебе все это рассказал, не знаю...

– Мы говорили о зависти, – напомнила Элен. – Вас рассердил кочегар?

– Возможно. Он с таким демонстративным удовольствием помыл кофе руки, все равно, что плюнул в душу. Да и камень в окно – из того же ряда. Нет, пожалуй. Осколки собрал, стекло вставил – и забыл. А такое долго не забывается. Ты помнишь, что он при этом сказал? «Ты выше на ступеньку». Да, всего лишь на ступеньку! Но из-за этой ступеньки мне завидует не только он. Понимаешь, с той ступеньки начинается независимость. Я уже могу себе позволить никому не завидовать, потому что я к этому пришел. Я выше зависти, понимаешь? Мое тело

стало почти стальным. По крайней мере мне так кажется. Меня просто так уже не согнуть... Если б ты только знала, какая каменистая и тяжелая была к этому дорога. Ноги в кровь, сил нет, а я шел...

Он давно отвернулся от Элен, смотрел вперед, на проплывающее под винтом его «Эскильстуны» море. И все говорил и говорил, скорее сам с собою, чем с Элен, подчиняясь внутренней потребности выговориться, в чем-то утвердиться, освободить от каких-то сомнений свою душу.

Элен стояла чуть сзади и все еще держала в руках давно остывшую чашку.

– Скоро ты увидишь тех, кто бросает камни. Посмотришь, много ли у них хлеба, – продолжил он. – Они думают, революция даст им хлеб. Все ли они знают, что хлеб родится в поле? И его еще надо вырастить. А это очень нелегкая работа. И камни тут ни к чему. Просто, надо работать – в жару и в стужу, до седьмого пота, до кровавых мозолей... Ты была молодая, глупенькая, многого не понимала. Тебе это простительно. Надеюсь, теперь, с возрастом, ты уже многое поняла. В жизни все просто: надо идти и идти. Если не будешь жалеть сил – придеешь. И тогда тебе не придется спать на скамейке и расплачиваться своим телом за кров.

Он смолк. Он сказал все, что хотел сказать: может быть, ей, но, скорее всего, самому себе. И протянул руку за чашкой. Но Элен уже здесь не было. Она ушла, вероятно, тогда, когда в рубке появился рулевой.

Обернувшись, Эриксон увидел его, всегда спокойного, молчаливого. Тот положил руки на штурвал и легонько отодвинул капитана.

Была уже ночь. Луна еще не взошла, и небо было усеяно крупными звездами. Такие нечасто увидишь в здешних широтах. Ветер затих, и они неторопливо плыли по черной воде.

15

Эриксон проснулся оттого, что его тряс за плечо Ларсен.

– Проснитесь, капитан!

– Ну что еще? – сердито спросил Эриксон, но быстро вскочил. Видимо, недавно прикорнул и спать не собирался, потому что был одет. – Что случилось?

– Там... что-то... непонятное... – бормотал журналист, лицо у него было испуганное.

Опережая Ларсена, Эриксон торопливо взбежал на мостик. Уже светало. По воде стелился жидкий туман. «Эскильстуна», слегка покачиваясь на тихих волнах, двигалась на самом малом ходу.

Рулевой показал вдаль на какой-то большой темный и странный предмет. Он тихо плыл по воде, и туман мешал хорошо его рассмотреть.

– Что оно? – размышляя, проворчал рулевой. – Для дельфина великовато. Больше похоже на мертвого кита. Да только откуда здесь возьмется кит?

Все трое, они с замиранием вглядывались и прислушивались: оттуда доносились только сварливые крики чаек.

– Действительно, что это может быть? – озадаченным шепотом буркнул Эриксон.

– Я и говорю... непонятно... – ответил рулевой, тоже шепотом.

«Эскильстуна» и этот странный предмет медленно сближались. Над ним носилась и истошно кричала стая чаек, и больше ничего не было слышно, никаких других звуков. Эриксон поставил рукоятку телеграфа на «стоп», но пароход по инерции все еще продолжал двигаться.

– Похоже на плот... или на притопленный катер, – осторожно предположил Ларсен.

И вдруг как-то сразу, после какого-то легкого дуновения ветерка, словно сдвинулась в сторону белесая кисея, им открылась странная и страшная картина... На них медленно надвигалась полузатонувшая подводная лодка, ее печально покачивала на своих волнах балтийская вода. Над волнами торчала только верхушка рубки, носовая часть и ствол орудия. Лодка была

разбита и безжизненна, но все еще продолжала сопротивляться. Откуда-то из ее глубин иногда вдруг с гулким бурлением вырывались мощные пузыри и с шумом лопались на поверхности воды. Из рубки наполовину свешивалось тело мертвого человека. Он не успел выбраться из лодки и висел головой вниз, и его светлых волос иногда касалась морская волна.

Над рубкой сердито носились чайки, дрались в воздухе, истошно кричали, недовольные внезапным вторжением сюда человека.

Все трое, онемев, провожали взглядами утопленницу, по мере того как она проплывала мимо. Рулевой вдруг, избавившись от оцепенения, начал истоно креститься.

Тем временем на палубу вышли Элен и за нею кочегар. Элен, лишь мельком оценив увиденное, закрыла лицо руками и отвернулась.

«Эскильстуна» все еще по инерции тихо и даже печально скользила по легким волнам. И даже крик чаек над их головами показался им сейчас не столько сварливым, сколько тоскливым, жалобным.

Это война показала им свой беспощадный скорбный лик.

– Чья она? – шепотом спросил Ларсен.

Но даже Эриксон был чересчур потрясен, чтобы ответить. Есть зрелища, слишком сильные даже для много пережившего и повидавшего человека.

– Я никогда не любил чаек... – после долгого молчания пробормотал он. Совсем придя в себя, перевел ручку телеграфа на «полный». И при этом раз за разом оглядывался: ему хотелось поскорее и подальше уйти от этого вселяющего ужас зрелища. Но снизу не подтвердили выполнение указания. Двигатель по-прежнему глухо шелестел, находясь на команде «стоп».

– Где твое место? – прошипел Эриксон кочегару, перегнувшись с мостика и углядев того на палубе.

Кочегар послушно кивнул и ушел. И уже вскоре «Эскильстуна» стала набирать ход, всплыла в клочковатую туманную морось.

Рольф снова встал к штурвалу, а капитан вышел на мостик, остановился возле Ларсена.

– Русская, немецкая, английская... Какая разница! – только теперь он ответил на вопрос Ларсена.

– Разница? – Ларсен поднял глаза на капитана: – А ты что, не зарабатывал на войне? Ну, когда перевозил им военный металлолом? Вот и опять: новая порция, – он указал вдаль, за корму, туда, где в белесой мороси еще можно было разглядеть удаляющийся темный силуэт подводной лодки. – Прибьется к какому-то берегу, переплавят. И пожалуйста: кому-то щедрый заработок. А, может, и тебе? Ты ведь никогда не отказывался перевозить металлолом.

Но Эриксон не стал вступать в спор: что было, то было. Он вцепился в леер и сосредоточенно смотрел вперед, словно ожидал, что вновь по ходу парохода возникнет какое-то новое чудовище войны. Затем молча ушел в рубку, взял в руки карту, долго в нее всматривался. Сказал Рольфу:

– Будь повнимательнее! Похоже, мы уже в самой пасти...

Пораженная увиденным, но все еще испуганная, Элен вернулась к себе, в свою столовую-камбуз. Она тоже, конечно, уже многое повидала в жизни, но такое ей не могло присниться даже в дурном сне. Она закрыла дверь на ключ, плотно задернула шторку иллюминатора. Но этого ей показалось мало, потому что все время чудилось, что вот-вот распахнется дверь и в нее просунется та страшная, окровавленная, исклеванная чайками голова, или же из темного угла на нее уставятся незрячие пустые глазницы. Тогда она достала из сумочки распятие и поставила на стол.

Но и все это, похоже, мало успокоило ее. Какое-то время она сидела, сжавшись в комочек и уставившись на распятие. Не выдержав гнетущей тишины и ожидая неведомого, она вдруг сорвалась с места и выбежала из каюты. Огляделась по сторонам. Куда? Можно в кочегарку!

Там постоянное движение: гудит и потрескивает пылающая топка, рокошет двигатель. Там жизнь!

Кочегар, работавший лопатой у топки, не сразу обернулся. Лишь спустя какое-то время он даже не увидел, а ощутил присутствие Элен в кочегарке. Она испуганно стояла в углу, ее глаза были расширены.

– Ты закрываешься: он дал тебе ключ? – угрюмо спросил кочегар. – Ну и что он тебе пообещал? Койку пошире и кошелек потолще? А кроме кошелька у него все, как у всех...

Глаза Элен наполнились слезами. Она выскочила из кочегарки, побежала по ступенькам вверх.

Проводив ее равнодушным взглядом, кочегар презрительно плюнул на руки и снова взялся за лопату. За открытой дверцей топки полыхало и гудело пламя.

16

«Эскильстуна» тихо скользила в молоке тумана. На самом ее носу впередсмотрящим был рулевой Рольф – неподвижен, как статуя. Глаза его слезились от напряжения.

За штурвалом стоял Эриксон, здесь же, в рубке, находился и Ларсен. Отсюда, из рубки, был виден рулевой, его фигура из-за тумана казалась расплывчатой и зыбкой.

Ларсен поглядывал на часы, это заметил капитан:

– Торопись!

– Время!.. Я говорю, время занимать место на галере.

Но Эриксон удержал его:

– Не спеши, редактор, кочегар выдержит... Не впервой... Да и хватит его баловать.

После всего недавно увиденного Эриксону не хотелось оставаться в одиночестве, но даже сам себе он боялся в этом признаться.

Сквозь туман до них отчетливо донесся орудейный залп. Он был значительно ближе, чем те недавние ночные раскаты. Затем раздался еще один...

– Эхо, что ли? – покрутил головой из стороны в сторону Ларсен.

Постепенно эхо переросло в орудейную перестрелку. Работали мощные калибры.

Эриксон долго прислушивался:

– С двух сторон... друг дружку! – И с мрачным вздохом добавил: – Ни свернуть, ни назад вернуться. Мы уже в самой гуще этой каши! – И потянулся к карте.

Это была лоцманская карта, выпущенная не так давно. Во всяком случае, тогда еще никто не мог себе представить, что этот северный мир когда-то разделится на своих и чужих. И, естественно, никто из картографов даже помыслить не мог, что довольно скоро по воле судьбы они станут воюющими сторонами. Но даже в дни войны воюющие стороны так быстро меняют свое расположение, что линии фронта иногда успевают измениться не за дни, но даже за часы. Порою даже картографы, находящиеся в боевых армейских порядках, не успевают до конца разобраться в причудливых изменениях фронтовых порядков. Что уж говорить о лоцманских картах!

Эриксон долго рассматривал карту, а затем обернулся к Ларсену:

– Слушай, редактор, а дай-ка мне твою, на манжетке.

Ларсен снял с руки манжетку, расправил ее, и Эриксон стал пристально изучать полустершуюся путаницу карандашных линий.

– Та-ак... Это вот, похоже, форт Ино, – бормотал он. – Читал когда-то: старый русский форт. У них, понятно, большие стволы. Интересно, кто там сейчас?

– Думаю, интервенты, – ответил Ларсен.

– Интервенты разные. Кто конкретно: англичане, французы, кто еще?

– Снаряды говорят на одном языке.

– А здесь, в Териоках?.. – продолжал размышлять Эриксон.

– База английских сторожевых катеров, – Ларсен ткнул пальцем в манжетку. – Вот же значок, катер нарисован.

– Не одни же там катера. Может, и оттуда... – капитан прислушался к другой стороне. – А это, похоже, от Сескара... Торпедные катера, гидроаэропланы, артиллерия... Не слишком ли много для одной «Эскильстуны»? – проворчал он, изучая рисунки на манжетке. – А это что у тебя здесь за пятна?

– Минные поля.

– Откуда ты все это знаешь? Кто тебе ее нарисовал? – с некоторым подозрением, выходя из себя, сердито спросил Эриксон. – Может, фальшивка?

– Военные нарисовали. В Штабе армии, в Стокгольме. Сказали: секретная. Просили, в случае чего, смыть ее. Сперва запомнить, а потом смыть, – объяснил Ларсен. – Это тот американец, что «Эскильстуну» зафрахтовал, попросил для нас ее на манжетке нарисовать. Я так понял, американцы очень заинтересованы, чтобы с твоим пароходом в пути ничего не случилось.

– Им плевать на меня и на «Эскильстуну». И на твой груз тоже. Им важно, чтоб ты целым в Петроград добрался. Я это сразу понял, еще там, в Стокгольме. – И Эриксон стал снова вглядываться в манжетку. – Посмотри сюда, – он позвал Ларсена. – Вот точка. Приблизительно мы здесь. Сескар мы благополучно миновали. Так?

– Ну, правильно!

– А это пятно...

– Минное поле, – подсказал Ларсен.

– И что же получается?.. Получается, что мы прем прямо на минное поле?

– Похоже, – согласился Ларсен.

– «Похоже»! – зло передразнил Ларсена капитан. – Где здесь проходы? Почему они их не отметили?

– Может, они их не знают, – сдвинул плечами Ларсен.

– Ну и выбрось! За борт выбрось эту свою манжетку. Она не стоит даже сигарного окурка! – гневно сказал, почти прокричал Эриксон и бросился к рукоятке телеграфа, перевел ее на «малый».

«Эскильстуна» медленно сбавила ход и тихо, словно осенний лист в безветрие, плыла сквозь артиллерийский грохот справа и слева.

– Всех бы их сюда, – пробормотал капитан. – И тех, и этих...

Рулевой по-прежнему недвижимо, как памятник, стоял на носу.

Где-то недалеко раздался артиллерийский выстрел, и за ним последовал совсем близкий мощный взрыв. И тут же из тумана накатила высокая волна, подхватила и накренила «Эскильстуну». Рулевой от такой неожиданности пошатнулся, но как-то ловко вывернулся и схватился за ограждающий леер.

– Мина сдетонировала! Или торпеда? – с беспокойством в голосе сказал Эриксон и продолжил прислушиваться. Внезапно он весь как-то вытянулся, замер...

До них издали стал доноситься какой-то странный чавкающий гул.

И в это время на Ларсена не ко времени напал приступ кашля. Он трясся, пряча лицо в отвороты пальто.

– Ти-хо! – прошипел капитан.

Рулевой, стоящий на носу, тоже услышал эти звуки и стал беспокойно оглядываться. И было от чего. Этот гул на них медленно надвигался. Уже даже можно было понять, что это работает мощный судовой двигатель.

– Тральщик! – не глядя на Ларсена, объяснил Эриксон. – Похоже, это они расстреляли мину. – И решительно поставил рукоятку телеграфа на «стоп».

Ларсен продолжал кашлять. Вцепившись зубами в руку, он старался сдержать кашель и не мог. А гул становился уже оглушительным. Он наваливался на «Эскильстуну» еще невидимой, но угадываемой чудовищной массой.

Этот гул доносился и до кочегара. Он замер с лопатой в руках. Даже сквозь металлический корпус и толщу воды сюда, в кочегарку, проникало уханье большой паровой машины, заполняя все ее подводное пространство.

Смутной массой тральщик прошел в тумане чуть не рядом, покачав «Эскильстуну» на своей крутой волне. И удалился...

Воцарилась тишина, которую подчеркивало только какое-то мирное, домашнее хлюпанье мелкой забортной волны.

Эриксон потянулся было к рукоятке телеграфа, чтобы дать ход судну. Но рука на полпути обвисла. На смятенном лице выступил крупный пот.

– Нет... – тихо сказал он и добавил тверже: – Нет!

– Мы в паре часов от Петрограда, – напомнил ему Ларсен. – Совсем рядом Кронштадт. Там нас должны встречать. Они предупреждены... Еще немного...

– Нет! – снова, уже взорвавшись, гневно выкрикнул Эриксон. – Я не могу утопить ее в самом конце, уже возле цели... Мы – на минном поле, ты это понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.